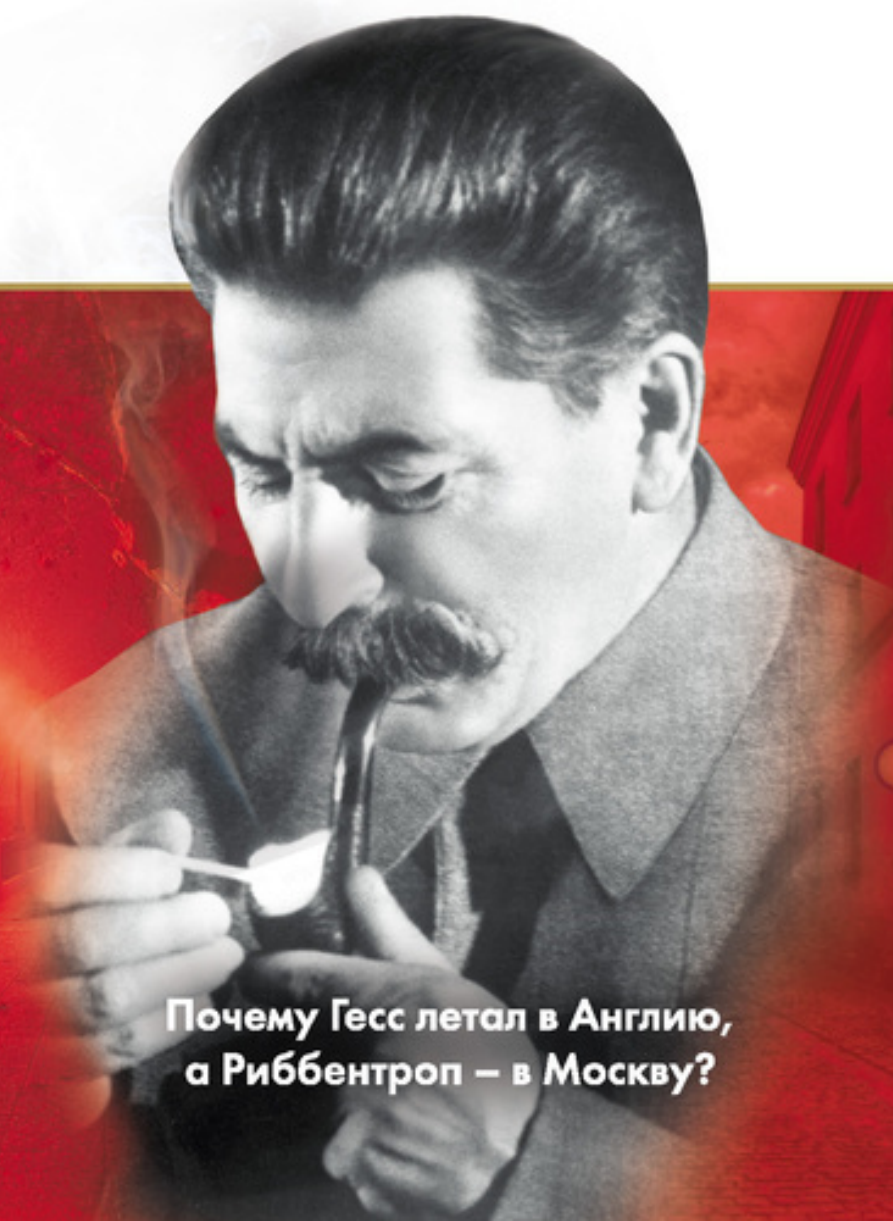

Виктор УСТИНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ

Почему Гесс летал в Англию,
а Риббентроп – в Москву?

Политический бестселлер

Виктор Устинов

**Политические тайны
Второй мировой**

«Алисторус»

2012

Устинов В. И.

Политические тайны Второй мировой / В. И. Устинов —
«Алисторус», 2012 — (Политический бестселлер)

Вторая мировая война – историческое событие такого масштаба, что оказывает огромное влияние и на современную политику ведущих государств планеты. Стоит вспомнить хотя бы скандал вокруг Катюни, нескончаемые споры по поводу т. н. пакта Молотова-Риббентропа и прочие будоражащие умы вопросы, так и не получившие на сегодняшний день ответа. Несмотря на то что прошло уже более 70 лет со дня начала Второй мировой войны, многие политические события, сопровождавшие ее, так и остались тайной за семью печатями. Автор этой книги – политик, журналист, военачальник – попытался приподнять таинственный покров, скрывающий истину, и рассказать читателю подлинную политическую подоплеку самой кровавой войны в истории человечества.

© Устинов В. И., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	29
Глава III	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Устинов

Политические тайны Второй мировой

*Светлой памяти Верховного Главнокомандующего,
Генералиссимуса Советского Союза т. Сталина И.В.,
его солдатам и офицерам, а также труженикам тыла,
спасшим нашу страну и все человечество
от фашизма, – посвящается.*

Предисловие

1 сентября 2012 года исполняется 73 года со дня начала Второй мировой войны, а 22 июня Россия отмечала скорбную 71-ю годовщину со дня нападения фашистской Германии на Советский Союз. И чем дальше будут от нас уходить в прошлое эти трагические даты, тем острее и глубже историки, политики и простые люди будут вникать в вопросы разрастания Второй мировой войны, в орбиту которой оказались втянуты 61 государство и 110 млн. человек. Война обошлась в 50 млн. убитых и оставила после себя 35 млн. инвалидов – вот та страшная дань, которую человечество уплатило за непринятие решительных мер по обузданию гитлеровского режима на этапе его возникновения. Особенно большой урон был причинен Советскому Союзу, на плечи которого легла главная тяжесть борьбы. Наша страна потеряла 27 млн. своих сыновей и дочерей. Три четверти из них составляют мирные жители и военнопленные, замученные гитлеровцами на оккупированных территориях.

Как могло случиться, что в центре Европы, только что пережившей трагедию Первой мировой войны, такие ведущие страны, как Англия и Франция, потакали возрождению Германии, помогали ей вооружаться и молчаливо наблюдали за тем, как Гитлер покоряет одну страну за другой? Безучастно наблюдала за разрастанием военного конфликта и Лига Наций, образованная победителями в Первой мировой войне, и главной целью которой было разоружение европейских стран.

Меня, как и любого исследователя, заинтересовало начало войны, ее первые дни, ставшие трагедией для нашей страны. Кто виноват в этом? И как это могло случиться? Заинтересовало не с позиции осуждения тех руководителей, что стояли во главе страны и ее вооруженных сил, а с точки зрения правды, которая с умыслом долгое время извращается. Извращение этой правды началось с Н. Хрущева, великого честолюбца и великого самодура, вознамерившегося разрушить культ личности Сталина и, топчась на его могиле, попытаться создать свой культ, намного превосходящий культ предыдущего вождя. Толкало его к этому неумное честолюбие, недостаток интеллекта и переоценка своей роли в истории страны, которую он захотел заново переписать по своему сценарию. Именно Н. Хрущев нанес страшный, кощунственный и несправедливый удар по стратегическим способностям Верховного Главнокомандующего т. Сталина, чей талант в области стратегии был непререкаем в стане наших союзников, а все советские полководцы Великой Отечественной войны считали свой талант в военном искусстве производным от таланта вождя. Маршалы и генералы Великой Отечественной не сумели подняться на защиту Сталина, как это сделал маршал Ней по отношению к Наполеону, но они по-русски восприняли эту боль душой, и многие из них из-за этого в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого века, вслед за оклеветанным вождем, ушли раньше времени из жизни.

Нашлись и такие военачальники, кто вслед за Хрущевым поддержал хор очернителей истории, смешивая в ней глупость с абсурдом. Но был и маршал К. Рокоссовский, который

пострадал от советского режима и мог сказать о нем много нелестных слов, но, следуя правде, он, на просьбу Хрущева поделиться негативными воспоминаниями о Верховном Главнокомандующем, ответил ему: «Никита Сергеевич! Вы же знаете, что для меня Сталин является богом». Наутро К. Рокоссовский, маршал Советского Союза и маршал Польши, был понижен в должности, но зато он не потерял совести.

Почему нападение фашистской Германии организовано встретили моряки Северного, Балтийского и Черноморского флотов, подчиненные наркому военно-морского флота адмиралу Н. Кузнецову и пограничные войска НКВД, подчинявшиеся Л. Берии? Почему отдельные командующие приграничными армиями и округами так медленно и нерасчетливо выводили войска к полям сражений, когда, находясь в еще более невыгодных условиях, партийные и советские руководители областей и республик успешно эвакуировали все военные предприятия на восток? Когда на шестой день войны немецко-фашистские войска ворвались в Минск – их взору предстали пустые заводские корпуса – все ценное, что могло быть использовано для выпуска военной продукции, было вывезено в глубь страны или взорвано.

Опираясь на архивные документы и воспоминания военачальников, написанные ими до хрущевской поры, я сделал попытку рассказать правду о войне: не в целях осуждения тех маршалов и генералов, что стояли во главе Наркомата обороны, а для осознания печальных уроков неправильного применения вооруженных сил Советского Союза при отражении агрессии фашистской Германии в 1941 году и недопущения их повторения в будущем.

Еще древние заметили, что война, так же, как и пожар, всегда подступает внезапно, и к этому бедствию надо готовить страну и народ заранее. Тем более сейчас, когда реформа в российской армии ведется людьми, далекими от военного дела и преследующими личные выгоды, а не интересы государства.

Автор

Глава I

Создание национал-социалистической партии Германии и приход Гитлера во власть. – Диктатура вождя. – Милитаризация политической жизни и экономики страны. – Пересмотр итогов Первой мировой войны и денонсация Версальского договора. – Промышленные «четырёхлетки» Геринга. – Аншлюс Австрии. – Мюнхенское соглашение и оккупация Чехословакии.

До 1928—1929 годов национал-социалистическая партия в Германии не имела сколько-нибудь заметного влияния в политической жизни страны. После неудавшегося путча в Мюнхене (1923 г.) эта партия очутилась в положении бережно опекаемого монополистической буржуазией стратегического резерва. Фашизм превратился в активную силу лишь после того, как германские империалисты, воссоздав основу военно-экономической мощи страны, успешно конкурируя с американскими, английскими и французскими монополиями на мировых рынках, настойчиво и нагло потребовали полной свободы перевооружения Германии, расширения ее границ и равноправного участия в решении всех политических проблем на Европейском континенте.

Германские монополии, с их широкими международными связями играли основную роль в развитии германской военной экономики и подготовке гитлеровской агрессии. Однако возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии, являвшееся важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии, стало возможным лишь при условии прямой поддержки германского империализма правящими кругами США, Англии и Франции.

Существенную помощь в возрождении германской экономики сыграл репарационный план, разработанный группой американских экспертов под председательством банкира Ч. Дауэса, главной целью которого было восстановление военно-промышленного потенциала Германии и возрождение в этой стране агрессивного империализма, которому предназначалась важная роль в борьбе против Советского Союза и революционного движения в Европе.

С помощью американского золота и американских технологий к 1929 году был в основном восстановлен военно-промышленный потенциал Германии. Политической надстройкой «плана Дауэса» явились Локкарнские договоры, подписанные 1 декабря 1925 года. Главным среди них был Рейнский гарантийный пакт. Обеспечив границы западных соседей Германии, Локкарнские договоры не предусматривали аналогичных гарантий для ее восточных соседей, что сразу было воспринято как поощрение германских агрессивных кругов, мечтавших о завоевании нового жизненного пространства за счет Советского Союза.

Один из творцов «плана Дауэса», германский финансовый король Шахт, сыгравший впоследствии важную роль в установлении фашистской диктатуры, откровенно признавал, что он «финансировал перевооружение Германии деньгами, принадлежащих иностранным кампаниям»¹. Хорошо известны связи американского химического концерна Дюпона и британского имперского химического треста с крупным германским концерном «И.Г Фарбениндустри», и вливание капиталов Форда в развитие автомобильной и военной промышленности Германии. Тесная связь существовала между Федерацией британской промышленности и Германской промышленной палатой. Англо-американо-германский банк Шредера, крупные американские банки «Чейз Нейшнэл Бэнк», «Диллон Рид и К°» и другие щедро финансировали германскую промышленность, главным образом, тяжелую и военную. Только в 1927—1929 годах Германия получила около 4 млрд. долларов иностранных займов, из них 2,5 млрд. дол-

¹ Военная мысль, № 4, 1974, с. 76.

ларов из США². В 1929 году Германия стала сильнейшим конкурентом на мировых рынках не только для Англии и Франции, но и для США. Ураган мирового капиталистического кризиса 1929—1933 годов потряс главнейшие капиталистические страны, но Германия сравнительно легко вышла из него, в то время как США, Англия и Франция даже в 1935 году по размерам производства в тяжелой промышленности оставались ниже докризисного уровня.

Мировой экономический кризис не затронул и экономику Советского Союза, наоборот, молодое советское государство в этот период стремительно развивалось. Первая советская пятилетка (1929—1932 гг.) заложила фундамент социалистической экономики и вывела страну из аграрной в развитую индустриальную державу. Пятилетка была выполнена за 4 года и 3 месяца, а сделано неимоверно много. Было введено в действие 1500 крупных промышленных предприятий, заново созданы ряд новых отраслей: тракторная и автомобильная, станкостроения и приборостроения, производство алюминия, авиационная и химическая промышленность, которых не имела царская Россия. В черной металлургии – важнейшей отрасли тяжелой промышленности, ставшей основой индустриализации страны – были созданы электрометаллургия, налажено производство ферросплавов, качественных сталей. Коренным образом были реконструированы нефтяная и другие отрасли промышленности.

За эти годы вступили в строй ДнепроГЭС, Зуевская, Челябинская, Сталинградская и Белорусская тепловые электростанции. Создана вторая угольно-металлургическая база на востоке СССР – Урало-Кузнецкий комбинат. Построены Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, крупные угольные шахты в Донбассе, Кузбассе и Караганде, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Кондопожский и Вишерский целлюлозно-бумажные комбинаты, Березниковский азотно-туковый завод, Ивановский меланжевый комбинат, 1-й Государственный подшипниковый завод в Москве и многие другие предприятия.

Национальный доход страны увеличился почти в два раза, промышленное производство – более чем в два раза, производительность труда – на 41%. В СССР за короткий период времени была создана мощная тяжелая индустрия и механизированное коллективное сельское хозяйство, ликвидирована безработица и введен 7-часовой рабочий день.

Западный мир плохо знал Сталина, но там хорошо знали его стратегические способности по разгрому армий Деникина и выдворению английских, французских и японских воинских контингентов с территории Советской России, а его успешное и умелое руководство партией большевиков, возглавившей переустройство России и делавшей колоссальные успехи в развитии экономики страны, глубоко настораживали правящие классы европейских стран, опасавшихся, что создаваемое на востоке мощное советское государство в будущем может угрожать их существованию.

В Лондоне, Париже и Вашингтоне опасались, что набирающая силу экономика Советского Союза Сталиным будет направлена на расширение идей социалистической революции на запад, как это пытались делать вожди Октябрьской революции Троцкий, Радек, Бухарин и что эта угроза будет, прежде всего, опасна для Германии, где были сильны коммунистические лозунги и стремление к переменам среди рабочего класса и крестьянства. Первая советская пятилетка успешно выполнялась, и лидеры капиталистического мира определенно сделали ставку на национал-социалистическую партию Германии, которую возглавлял Гитлер, в программе которой основным стержнем являлась борьба с красной опасностью внутри страны и с большевизмом на внешнем фронте.

Сталин еще должен был доказать им, что его жизненная цель – созидание, а не война, которую он ненавидел. Невольно, в силу исторически сложившихся политических и экономических отношений в Европе на тот период, нарождавшаяся сильная советская экономика и

² ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 977444, д.124, л. 6.

личность Сталина послужила тем трамплином, на который был поднят Гитлер устроителями соревнований, чтобы он мог не только противостоять советскому лидеру, но и вступить с ним в борьбу.

Это невиданное для того времени стремительное развитие экономики молодого Советского государства, когда весь капиталистический мир переживал тяжелый экономический кризис, породил в самых верхних слоях крупной буржуазии и воротил мирового капитала тревогу относительно будущего всего капиталистического мира, управление над которым они не хотели терять. Нужно было противопоставить этому динамично развивающемуся государству на востоке не менее сильное государство на западе и победителям Первой мировой войны – Франции, Англии и США – таким государством виделась Германия, единственная страна, где можно было быстро воссоздать вооруженные силы, и где к власти рвалась национал-социалистическая партия во главе с Гитлером. Гитлер прямо и открыто заявлял на весь мир, что он, придя к власти, в короткие сроки покончит с красной опасностью внутри страны и создаст сильные вооруженные силы, чтобы еще при его жизни уничтожить Советский Союз. Он с убежденностью писал: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы, и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».³

«Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование, и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель».

При этом идеология стояла где-то в отдалении от задуманной подготовки Гитлером войны Германии против СССР, но она нередко выходила у него на передний план, чтобы обосновать свои захватнические цели, а во главе угла стояла обеспокоенность правящих западных кругов, доходившая до паники, обусловленной невиданным ростом экономики СССР.

Грандиозные планы на вторую советскую пятилетку вызвали еще большую тревогу империалистических кругов в Западной Европе и США. Куда будет направлена индустриальная мощь Советского Союза и куда направить возрастающую экономическую силу Германии – об этом все чаще и чаще стали задумываться в правящих кругах Лондона, Парижа и Вашингтона. В конечном итоге, лучшим выходом там посчитали прибегнуть к извечной исторической кару-

³ А. Гитлер. Моя борьба. М, 2006.

сели – направить возрастающее могущество Германии на восток, в сторону Советской России, и там возродить рынок для сбыта немецких товаров, и заодно попытаться столкнуть эти две державы в противоборстве, в котором иссякнут их силы и сами по себе исчезнут и проблемы, возникшие с ростом их могущества.

Среди мировых воротил капитала, возрождавших Германию и помогавших нацистам придти к власти, было много евреев, пошедших на сотрудничество с Гитлером. Это кажется странным. Ведь они не могли не знать, что еще в книге «Моя борьба» Гитлер писал, что для выполнения своей задачи «национал-социалистское движение» должно относиться к евреям как к своим смертельным врагам⁴. Но, видимо, страх перед большевиками у них был сильнее страха перед Гитлером. Нисколько не отходя от истины, можно смело утверждать, что появление на свет такой зловещей политической фигуры, как Гитлер, и его национал-социалистической партии было делом рук правящего класса Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки, осуществивших приход его во власть за их деньги, и с помощью прусской военщины, рвавшейся к пересмотру итогов Первой мировой войны, и крупной германской буржуазии, напуганной ростом могущества Советской России и заразительным влиянием на жизнь простых людей в Германии исходивших из Москвы коммунистических идей.

С приходом к власти Гитлера не только усилилась финансовая и деловая помощь Берлину со стороны США и Англии, но планы гитлеровской агрессии, направленной против Советского Союза, получили прямую политическую направленность и поддержку со стороны этих двух великих держав. Гитлеровская военная машина становилась ударной силой для борьбы с Советским Союзом, народы которого совершали индустриальную и культурную революцию, по своей грандиозности и масштабам не имевшую аналогов в мировой истории. Без миллиардов американских долларов германский милитаризм не мог бы восстановить свои силы и в короткие сроки создать сильную военную машину для ведения захватнических войн. Больше всех старались накачать военные мускулы Германии правящие круги Англии и Франции, не задумываясь над тем, что они в скором времени сами могут стать объектами для испытания этой силы. «Этот золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжелую промышленность гитлеровской Германии, в частности, военную промышленность. Это миллиарды американских долларов, вложенные заокеанскими монополиями в военную экономику Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления агрессии. В короткий срок, опираясь на финансовую поддержку, главным образом, американских монополий, Германия воссоздала мощную военную промышленность, способную производить в огромных количествах первоклассное вооружение, многие тысячи танков, самолетов, военно-морских кораблей новейшего типа и другие виды вооружения.

Германские правящие классы стали выдвигать фашистскую партию на авансцену политической жизни страны не только потому, что она показала себя ревностным зачинщиком их интересов, но и в силу того, что с начала своей деятельности фашисты откровенно пропагандировали идеи реванша. Призыв к подготовке новой мировой войны, как известно, содержался в программе национал-социалистической партии, принятой в 1920 году, в книге Гитлера «Mein Kampf», изданной в 1924 году, в «14 тезисах», изданных фашистами в 1929 году, и во многих других письменных и устных заявлениях лидеров этой партии. В этих тезисах говорилось, что фашисты во имя осуществления своих целей пойдут на любую борьбу. «Нет такой жертвы, – подчеркивалось в этом документе, – которая была бы для нее слишком велика. Нет той войны, которая была бы для нее слишком кровавой»⁵. Эта сторона деятельности фашистов особенно импонировала германской империалистической буржуазии, которая делала все

⁴ Нюрнбергский процесс, т. IV.М, 1959, с. 659.

⁵ Вопросы истории, № 3, 1960, с. 153.

возможное, чтобы поднять престиж гитлеровской партии, приписав ей незаслуженную славу «поборника» национального освобождения Германии и непримиримого противника Версаля.

Всячески поддерживая фашистскую партию и щедро оплачивая ее расходы, германские господствующие классы некоторое время не настаивали на включение представителей этой партии в состав веймарских правительств. Они предпочитали держать ее на положении «оппозиционной партии», якобы выступавшей с «принципиальных» позиций не только против коммунизма, но и капитализма, Версальского договора и тех партий, которые участвовали в принятии этого договора. Спекулируя на ненависти широких слоев населения Германии к Версальской системе, монополистическая буржуазия с помощью фашистов смогла создать себе опору в массах и даже постепенно подготовить их к восприятию идей реваншизма и фатальной необходимости войны для освобождения страны от «цепей Версаля» и захвата под тем или иным предлогом чужих территорий.

Мировой экономический кризис, до крайности обостривший все империалистические противоречия, содействовал усилению здесь реваншистских и милитаристских тенденций и, следовательно, повышению политического престижа фашистской партии в глазах германской монополистической буржуазии. В гитлеровской партии она видела единственную силу, на которую можно было опереться, чтобы предотвратить угрозу распада капиталистической системы и силу, способную разрешить империалистические противоречия путем войны.

К установлению фашистской диктатуры германскую буржуазию толкало и обострение противоречий внутри страны. К началу 1930 года германская промышленность работала со средней нагрузкой 55—70%. Но даже сократившаяся в своем объеме продукция, однако, не находила сбыта, что вело к банкротству не только мелких и средних, но и некоторых крупных предприятий. В 1933 году в Германии было 6 млн. безработных, а если считать и их иждивенцев, то эта цифра выростала до 20—25 миллионов людей, ожидавших перемен к лучшему, которые пообещал им Гитлер. И став канцлером, он действительно быстро ликвидировал безработицу, прекратил борьбу партий, поднял дух нации и ему немцы стали безгранично доверять.⁶

Получив поддержку буржуазии и правых лидеров социал-демократии, гитлеровская партия расширяла масштабы своей деятельности, направленной на создание условий для захвата власти и идеологическую подготовку войны. Она постепенно проникала в самую толщу немецкого народа, вовлекая его в свои организации, вербовала сторонников среди различных слоев населения, отравляла умы миллионов людей ядом расизма, реваншизма, идеей «тотальной войны», сосредоточив усилия на борьбе с другими партиями, и прежде всего, с Коммунистической партией и ее идеологией.

При проведении своей милитаристской деятельности фашисты уделяли особое внимание молодежи, понимая, что от степени влияния фашистской пропаганды на молодых людей в большой мере зависело осуществление их реакционных и экспансионистских планов. Организация работы среди молодежи была продумана во всех деталях. Фашисты учитывали и склонность юношества к романтическому образу мышления, и возможность возбудить в нем антагонизм к «консерватизму» старшего поколения, и его готовность к активным действиям, и его любовь к униформе, спорту и т. д. Самая крупная молодежная организация, находившаяся под воздействием фашистской партии, — «Союз гитлеровской молодежи» — имела ответвления в каждом округе, непосредственно подчинявшиеся гитлеровским штурмовым отрядам. Лозунгом фашистской молодежи становились слова: «Если сегодня нам принадлежит Германия, то завтра нашим будет весь мир»⁷. Многочисленной организацией являлся также «Орден

⁶ Мировые экономические кризисы 1848—1945 гг. М, 1956, с. 18; Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М. 1956, с.18—19.

⁷ К.Гейден. История германского фашизма. М. 1935, с. 204.

молодых немцев», насчитывающий уже в 1928 году около 300 тыс. человек. Для работы среди учащихся средних школ был создан в ноябре 1928 г. при правительстве Мюллера «Национал-социалистический школьный союз». Фашистская организация «Немецкое студенчество» возглавлялась Бальдуром фон Ширахом, будущим руководителем «Союза гитлеровской молодежи», одним из главных военных преступников⁸. Фашистская партия все больше проникала в лагерь так называемой добровольной трудовой повинности, в которых, по официальным данным, насчитывалось в сентябре 1932 г. 200 375 молодых немцев, и среди них велось воспитание юношества в духе махрового национализма и милитаризма.

Фашисты настойчиво распространяли свою идеологию и среди рабочего класса Германии, обещая им повышение заработной платы, «отмену нетрудовых доходов», «огосударствление трестов», «обеспечение старости» и другие блага. В отдельных случаях они даже прикидывались сторонниками забастовок, но поступали при этом всегда так, чтобы не повредить интересам империалистов.

Благоприятной для проникновения фашистской идеологии была обстановка и в германской деревне. Руководящие деятели Веймарской республики неизменно проводили политику поддержки дворян, кулачества, в то время как мелкие и средние крестьянские хозяйства пребывали на грани разорения и их положение с каждым годом ухудшалось. Если до 1930 г. значительная часть крестьянства ориентировалась на кулацко-помещичью организацию «Ландбунд», то выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. показали, что фашисты в борьбе за влияние на крестьянство оттеснили эту партию на задворки, а с течением времени «Ландбунд» постепенно стал принимать фашистскую окраску, и все большее число его местных отделений открыто требовали включения союза в гитлеровскую партию.

Большим влиянием пользовались гитлеровцы и среди мелкой буржуазии. Провозглашенные ими лозунги: «Борьба против процентного рабства», «дешевый кредит», «ликвидация универмагов» и обещание льгот при реализации продукции привлекла на сторону фашистов большую часть мелкой буржуазии.⁹

Начиная с 1929 года, германская буржуазия заметно усилила финансовую помощь национал-социалистической партии. По инициативе крупнейшего промышленника Фрица Тиссена германские монополисты приняли решение, обязывавшее предпринимателей производить регулярные взносы в кассу фашистской партии¹⁰. Это решение неукоснительно выполнялось. Поощряя пропагандистскую деятельность фашистов, направленную на разжигание шовинизма и реваншизма в стране, А. Крупп при избрании его в 1931 г. председателем Союза германских промышленников заявил, что он будет заботиться о расширении помощи гитлеровцам.

Особые отношения складывались у фашистской партии с рейхсвером, в подразделениях которого воспитывались в духе реваншизма, расовой идеологии и ненависти к СССР основные кадры будущей немецко-фашистской армии и фашистского чиновничьего аппарата. Даже германская буржуазная печать вынуждена была признать, что воспитание личного состава рейхсвера осуществлялось «методами реакционной прусско-кайзеровской школы». «Все офицеры, начиная от капитана и выше, – писала одна из центральных газет Германии, – отборные феодально-реакционные элементы. Всякая самостоятельная мысль в рейхсвере бесцеремонно убивается, культивируется вера в авторитет, слепое подчинение начальству»¹¹. В общественно-политической жизни Германии все большую роль стала играть военщина прусско-милитаристского толка. В 1925 году на пост президента был избран фельдмаршал Гинденбург, с именем которого были связаны все важнейшие сражения Первой мировой войны и его

⁸ Там же, с. 81—83.

⁹ *И.П. Трайнин*. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942, с. 18.

¹⁰ *К.Гейден*. История германского фашизма. М. 1935, с. 238.

¹¹ Вопросы истории, № 3, 1960, с. 163.

знали как вдохновителя итогов пересмотра той войны. Его переизбрание на выборах в 1932 году означало победу крайних реакционных сил в Германии. Генералы рейхсвера фон Сект, Людендорф, Шлейхер и другие задавали тон в политической жизни страны. Именно эти видные генералы кайзеровской Германии прокладывали дорогу Гитлеру к власти и разрабатывали теорию «тотальной войны», чтобы избавиться от версальских ограничений и попытаться на новом историческом витке добиться для немецкой нации мирового господства.

«Теория» тотальной войны стала официальной военной доктриной в период подготовки Германии к войне. Политическим основанием «теории» тотальной войны является расовая теория, пропагандирующая «превосходство» немцев и их «естественное» право завоевания мирового господства. Она включает признание войны «вечным» и всегда «прогрессивным» явлением общественной жизни. По мнению разработчика «теории» тотальной войны генерала Людендорфа, Германия должна была, не считаясь ни с чем, напрячь все свои силы, чтобы выиграть новую войну, для чего он предлагал... «с самого начала применить последнюю винтовку»¹². Генерал особенно убеждал Гитлера и стоящий за ним генералитет, что новую войну немцы должны сделать «молниеносной», ибо это единственное средство победить в борьбе «за существование». В своей книге «Тотальная война» Людендорф провозгласил и новую религию – «религию германского богопознания», сущность которой сводилась к двум основным задачам: убедить немцев, что они должны «жертвовать жизнью для своей расы» и «очистить путь для полководца».¹³

Цинично утверждая, что «военное искусство» требует отказаться от обычая объявления войны, этот идеолог разбоя и вероломства призывал подражать в этом вопросе другим империалистическим государствам. «Это ошибочное мнение, – писал он, – что войну надо начинать с объявления ее. В 1894 году Япония начала войну с Китаем, а в 1904 году с Россией с внезапного нападения на китайские и соответственно на русские транспортные средства или военные корабли. Англия начала войну с Бурской республикой вторжением на территорию буров добровольческого отряда».

Понимая слабость немецкой экономики и недостаточность ресурсов для осуществления военной авантюры, Людендорф строил все расчеты на быструю победу в начале войны. Он советовал еще в мирное время накапливать возможно большие запасы вооружения, боеприпасов, трестировать всю экономику, не считаясь с разорением мелких и средних буржуа, развивать только необходимые для ведения войны отрасли народного хозяйства, не считаясь с его уродованием, и главное, не останавливаться перед любыми формами и методами эксплуатации и ограбления народных масс.

Последнюю главу своей книги Людендорф посвятил роли полководца в войне, где он высказывался в духе доктрин Клаузевица и Шлиффена, еще более ужесточая требования к роли военного лидера в стране. Генерал наделял его правами неограниченного диктатора и говорил, что «во всех областях жизни» только «он сам решает, и его воля являются законом»¹⁴. При диктаторе Людендорф предлагал иметь свой штат, в который, помимо военных специалистов, должны были входить представители трестов, а также «знатоки народной души» – лидеры национал-социалистической партии Германии.

Для усиления своего влияния на рейхсвер, гитлеровцы еще в 1928 г. создали особую «Организацию-2» (во главе с подполковником Гирмо, которого они прочили на пост военного министра). Эта организация вела фашистскую пропаганду в рейхсвере и полиции. С течением времени связи между рейхсвером и гитлеровской партией становились теснее, что объяснялось ростом численности и влияния фашистской партии и ее боевых союзов; перед ними отступали

¹² ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 977444, д. 14, л. 13.

¹³ Там же, л. 15.

¹⁴ Там же, л. 19.

на задний план остальные реакционные организации германской монополистической буржуазии.

Несмотря на ограничения в отношении вооружений, наложенных Версальским мирным договором, германские империалисты спешно воссоздавали армию, военно-морской и военно-воздушный флот. Наряду с легально существовавшим стотысячным рейхсвером, они создали сеть замаскированных военных и полувоенных формирований, таких, как черный рейхсвер, добровольческий корпус, штурмовые отряды, насчитывавшие в 1932 году около 400 тыс. человек.¹⁵

Созванная в октябре 1931 г. Гарцбургская конференция реакционеров признала ведущую роль фашистской партии среди других партий и организаций германского империализма. От рейхсвера здесь присутствовали 15 генералов и адмиралов, в том числе фон Сект, Гельтц и Лютвиц, а также два сына бывшего императора, присоединивших свои голоса к решению конференции о «необходимости передачи власти подлинно национальному правительству», то есть фашистам.

Готовясь к захвату власти в Берлине, Гитлер и его сподвижники по всей стране стали устраивать антисемитские погромы, разгон собраний, организуемых другими партиями, а потом пошли на организацию зверских убийств демократических деятелей и передовых представителей рабочего класса. Этот террор гитлеровцы сочетали с непрерывно усиливающейся милитаристской и реваншистской пропагандой, которая проводилась в неслыханных до тех пор масштабах. Огромными тиражами печаталась книжка «Mein Kampf», к массовому распространению которой приступили в 1929 году. В духе ее человеконенавистнических, расистских, экспансионистских идей были приняты решения на Нюрнбергском съезде фашистской партии в 1929 г. Используя прессу, радио, право проведения собраний и митингов, располагая для этого неограниченными средствами, фашисты широко рекламировали свою программу. Выступления главарей фашистской партии представляли собой чудовищную смесь демагогии, антисоветских выпадов, расизма, реваншизма, обращения к низменным инстинктам людей, открытой лжи и преднамеренного извращения фактов. Речи Гитлера и его пособников постоянно вращались вокруг темы о «виновниках страданий народа»; к их числу фашисты относили тех лиц, кто заключал Версальский договор и те партии, к которым принадлежали эти лица, и нанесших, по выражению Гитлера, заимствованному им у битых кайзеровских генералов, «удар в спину» германским вооруженным силам.

Обязательной частью выступлений фашистских лидеров были обещания всевозможных благ всем слоям населения, призывы к «здоровым силам нации» «пробудиться от сна» и «спасти Германию», бороться за ее «величие и процветание», за «тысячелетнее существование рейха». Немцам настойчиво внушалась мысль о войне как единственном, якобы, реальном средстве ликвидации нищеты и безработицы, малоземелья, бедственного положения мелкой буржуазии, устранения последствий экономического кризиса. Фашисты твердили о «праве» германской нации на завоевание мирового господства¹⁶. Нелепая, антинаучная «теория» исключительности германской «арийской» расы с течением времени занимала все большее место в фашистской пропаганде.

Воинственный тон реваншистского хора задавали военные, подталкивавшие политические круги страны не выполнять условий Версальского договора. Первые штабные разработки рейхсвера, в которых в качестве ближайших целей определялись устранение особого статуса Рейнской зоны, ликвидация «польского коридора», возвращение в состав рейха Верхней Силезии, аншлюс Австрии, датируются декабрем 1925 года. Армия лишь ждала вождя, который

¹⁵ Вопросы истории, № 5, 1959, с. 33.

¹⁶ И.Л. Трайнин. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942, с. 18.

возьмется за исполнение таких решений, дух всегда был¹⁷. Вождь пришел в лице Гитлера, являвшегося одним из основателей национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), и в 1921 году он стал ее фюрером. У Гитлера был особый талант выражать свои идеи в простой и доходчивой форме и доносить их до сознания немцев посредством постоянного повторения. Он пообещал народу Германии освободить его от несправедливого Версальского договора и поднять величие государства.

Германская армия была решающей силой, обеспечившей приход Гитлера к власти. Не только генералы, участники Первой мировой войны, но и офицерский корпус в целом «требовал правительства во главе с сильным человеком, способного опрокинуть наземь Версальский договор и возродить военную и экономическую мощь Германии»¹⁸. В момент прихода Гитлера к власти в 1933 году высший командный состав рейхсвера состоял, главным образом, из опытных командиров, участвовавших в Первой мировой войне и жаждавших реванша за поражение, понесенное Германией в 1918 году. Безоговорочно подчинившись Гитлеру и его идеалам, генералитет Германии в августе 1934 года связал солдат новой присягой, которая заменила старую форму присяги конституции и гласила: «Я клянусь перед Богом, что буду полностью подчиняться Адольфу Гитлеру, вождю рейха, верховному командующему вермахта, и я ручаюсь своим словом храброго солдата всегда соблюдать эту клятву даже ценой своей жизни».¹⁹

Видный исследователь национал-социалистической партии Германии Джеффри Нокс писал: «Мы должны понять, что... нацистская партия до тех пор, пока ее не подобрали руководители прусской военщины, была всего лишь жалкой шайкой сводников и бродяг, не имевшей ни малейшего значения».²⁰

В августе 1932 года президент Гинденбург предложил Гитлеру возглавить правительство, но с условием, что оно будет опираться на большинство в рейхстаге, которого нацисты не имели. Вмешались промышленники и представители крупного капитала, настаивая, чтобы президент передал Гитлеру власть без каких-либо условий и чтобы, кроме того, обеспечивалось «решающее участие нацистской партии в правительстве». Требования подписали рурские магнаты Тиссен, Феглер, а также Шредер и Шахт, и владельцы паровозных компаний – Вермар и Бейндорф и другие – всего 30 человек. На заседании Союза рурских магнатов раздавались требования установления военной диктатуры и ликвидации версальской системы.

От имени Союза промышленников и представителей крупного капитала канцлер Германии Папен, готовясь передать власть Гитлеру, выдвинул ряд требований будущему нацистскому правительству и сформулировал программу действий:

усилить борьбу с коммунистической и социал-демократической партиями, подчинить крупному капиталу мелких и средних предпринимателей, поднять экономику с помощью государственного заказа, разорвать Версальский договор и сделать Германию сильной. Все эти требования нацистские лидеры и положили в основу своей правительственной программы.

30 января 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером Германии, а 3 февраля, на четвертый день после своего избрания, он встретился с высшим командным составом рейхсвера и произнес перед ними двухчасовую речь, которая была выслушана генералами с особым воодушевлением. Не утруждая себя сомнениями и тревогами относительно верности избранного пути, он заявил, что главная цель его политики – «завоевание нового жизненного пространства для немцев, вслед за которым должна следовать беспощадная германизация», милитаризация всей экономики страны, чтобы Германия уже через пять-шесть лет смогла быть готова к большой войне.

¹⁷ Второй фронт. М., 2000, с. 25.

¹⁸ Военно-исторический журнал, № 10, 1962, с. 62.

¹⁹ Л. Кларк. Вторая мировая война. План «Барбаросс». Крушение Третьего рейха. М., 2004, с.18.

²⁰ Полторак А.М. От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1961, с. 210.

Разумеется, то, что говорил Гитлер, не было внове его генералам. Аналогичные идеи фюрер излагал в своей книге «Майн Кампф», в предыдущих беседах и выступлениях. Однако на этот раз речь шла не об абстрактных целях, а о конкретном планировании политики правительства Германии на ближайшую перспективу.

Снова, устами Гитлера и его национал-социалистической партии, германский империализм заговорил об обширной захватнической программе. Он поставил целью, прежде всего, колонизировать страны Европы, превратив их в поставщиков сырья и продовольствия для германской промышленности, а население этих стран – в своих рабов. Разъясняя в 1937 г. планы германских империалистов, Гитлер говорил: «Но мы не будем следовать политике либеральных капиталистических стран, которые опираются на эксплуатацию колоний. Здесь речь идет... о завоевании полезного и удобного для сельского хозяйства пространства. Также было бы наиболее рационально иметь сырьевые материалы на территории Европы, в странах, которые непосредственно прилегают к нашей империи, а не за морями»²¹. После этого гитлеровцы намеревались подчинить своему господству и все остальные страны мира. Один из фашистских теоретиков, Э. Бергман в книге «Дух познания и материнское право» писал: «На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и сумеет превратить весь культурный мир в дым и пепел».²²

Основным содержанием внутренней и внешней политики фашистов являлась подготовка к войне. Геринг официально провозгласил лозунг «Пушки вместо масла», проведение которого означало бешеную гонку вооружений, которую можно было выдержать несколько лет без войны, а потом, как заявлял Гитлер перед представителями высшего немецкого командования, «нам не остается ничего другого, как только действовать».²³

Подготовка войны против СССР была одной из главных задач внешней политики гитлеровского руководства с момента прихода фашистов к власти в 1933 году. Известные исторические факты, вне всяких сомнений, свидетельствуют об этом. Так, подписанию «антикоминтерновского пакта» непосредственно предшествовало одобрение съездом фашистской партии в сентябре 1936 года второго четырехлетнего плана подготовки Германии к войне. В секретном меморандуме, написанном Гитлером для объяснения целей этого плана, содержалась конкретная программа войны против Советского Союза²⁴. Хотя Гитлер уже тогда прибегал к демагогии, маскируя свои агрессивные цели, меморандум не оставляет никакого сомнения в том, против кого готовилась война. Так, он гласил: «Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска». Далее, изложив конкретную программу перестройки экономики на военный лад, Гитлер заключал: «Я ставлю следующие задачи: 1) через 4 года мы должны иметь боеспособную армию; 2) через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне».²⁵

Новое правительство во главе с Гитлером быстро расправилось со всеми партиями, кто так или иначе выражал несогласие с идеями и программой национал-социалистической партии. Первой была запрещена Коммунистическая партия, члены которой подвергались всяческому гонениям, которые закончились арестами и заключением в концентрационные лагеря.

Поджог фашистами в ночь на 28 февраля 1933 года здания германского рейхстага был использован гитлеровским правительством не только для организации невиданного массового террора, но и в качестве предлога для уничтожения буржуазно-демократических свобод и лишения немецкого народа его основных прав. Опубликованный сразу через несколько

²¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. М., 1957, с. 608.

²² Там же, с. 560, 593.

²³ А. Норден. Так делаются войны. М., 1951, с. 85.

²⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. II, М. 1958, с. 27.

²⁵ Военно-исторический журнал, № 12, 1964, с. 75, 79.

часов после поджога чрезвычайный декрет президента «О защите народа и государства»²⁶ отменял все статьи Веймарской конституции о свободе личности, слова, собраний, союзов, печати, неприкосновенности жилища, охране тайны корреспонденции и телефонных переговоров. Германские власти получали неограниченные права в производстве арестов и обысков и конфискации имущества. Основными наказаниями, предусмотренными этим декретом, являлись смертная казнь и бессрочная каторга.

Крупнейшая социал-демократическая партия некоторое время продолжала работать легально, но образование нового руководящего органа в Праге дало повод нацистам запретить ее деятельность на территории Германии, конфисковать имущество и объявить ее организацией, «враждебной немецкому государству и его народу». Все остальные партии, испытывая давление со стороны режима, были вынуждены объявить о своем самороспуске.

Гитлеровское правительство, протаскив закон о чрезвычайных полномочиях, именованный для обмана масс «Законом по устранению бедствий народа и государства», сосредоточило в своих руках всю законодательную власть, принадлежавшую ранее, согласно Веймарской конституции, рейхстагу. Этим законом фактически ликвидировался и сам рейхстаг, а также последние остатки конституционных буржуазно-демократических свобод.

Узурпировав всю полноту центральной власти, гитлеровцы стали поспешно укреплять свои позиции и на местах. Закон правительства от 31 марта 1933 г. «Об унификации земель с рейхом»²⁷ был также направлен, прежде всего, на уничтожение демократических завоеваний. Были распущены избираемые населением ландтаги, крейстаги, районные представительства, районные советы уполномоченных, советы общин и другие организации. Выборы «новой» власти на местах проводились в очень короткие сроки и в состав представительных органов были избраны приверженцы нацистского режима в Германии.

Не прошло и полугодия после избрания Гитлера рейхсканцлером, как национал-социалисты провели через рейхстаг «Закон против образования новых партий», который одновременно провозглашал нацистскую партию единственной партией германского народа и устанавливал наказание за иную политическую деятельность. Параллельно с запретом на деятельность других политических партий Гитлер начал наступление и на профсоюзы. Они были просто задушены и крупные промышленники, которым перевооружение армии несло крупные барыши, перестали с ними считаться. В соответствии с законом от 19 мая 1933 года регулирование отношений между рабочими и работодателями было возложено на «уполномоченных по труду» – по одному на каждый крупный производственный район числом 12 на всю страну. На деле это были частично чиновники, частично юристы, представлявшие интересы предпринимателей.²⁸

За короткий срок правления Гитлера в нацистской Германии была подавлена воля, мысль и всякое сопротивление немцев его режиму. Лучше всего это выразил протестантский пастор, узник Дахау, Мартин Нимеллер, оставивший потомкам свою жуткую исповедь: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не был коммунистом. Потом они пришли за социалистами, я молчал, я же не был социал-демократ. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза. Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не был евреем. Когда они пришли за мной, больше не было никого, кто бы мог протестовать».²⁹

Германская культура возвращалась в Средневековье, и на немецких площадях оболваненная нацистами молодежь жгла произведения Г. Манна, С. Цвейга, Л. Фейхтвангера и других еврейских писателей, которых геббельсовская пропаганда отнесла к врагам германской нации.

²⁶ Вопросы истории, № 2, 1962, с. 118.

²⁷ Там же, с. 119.

²⁸ Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Смоленск, 1998, с. 460.

²⁹ Завтра, № 12, март 2011.

В 1935 году Гитлер, отменив односторонним актом ограничения Версальского договора и введя всеобщую воинскую повинность, восстановил германский Генеральный штаб. Увеличивая армию, Гитлер заполнял командные кадры «высочками из «СС» и штурмовых отрядов», что вызвало протесты главнокомандующего сухопутными войсками генерала Фрича и военного министра генерал-фельдмаршала Бломберга³⁰. Уволив этих генералов из армии, Гитлер ликвидировал и пост военного министра. Он распределил министерские функции между главнокомандующим сухопутной армией и военно-воздушными силами, а сам «фюрер» фактически сосредоточил в своих руках всю верховную власть над вооруженными силами.

Гитлер был рожден для войн, и в его характере было заложено неистребимое влечение к ее подготовке и развязыванию, а фантастическая способность втягивать свое близкое окружение в выполнение задуманных им военных акций делало его непревзойденным игроком на военном поприще. Ему все легко удавалось. Став канцлером, он в самые короткие сроки ликвидировал безработицу и вселил в души немцев уверенность в завтрашнем дне, и твердую веру в способность Германии снова стать одной из великих держав Европы. Его выступления на многочисленных митингах и по радио заслушивались; он стал символом возрождаемой Германии, и никто не задумывался вначале, куда может повести Германию этот неутомимый человек, овладевший такой полнотой власти в стране, которой не имели даже ее императоры. Исподволь, незаметно для обывателя, в речах Гитлера уже в конце 1933 года забрезжили идеи о возвращении Германии утраченных ею в годы Первой мировой войны германских земель и колоний в Африке, а быстрое возрождение армии, получившей новое название вермахта, лишь подтвердило догадку проницательных политиков, что неограниченная власть Гитлера в своей стране роковым образом скажется на судьбах немцев и всей Европы, еще не позабывшей ужасы Первой мировой войны.

Первую пробу возрождаемых сил рейхсвера и реакции западных держав на их применение при нарушении основных положений Версальского договора Гитлер провел в марте 1936 года, когда он ввел войска в Рейнскую демилитаризованную зону, в которой запрещалось размещать германские вооруженные силы и возводить укрепления. Три поезда с тремя батальонами переехали Рейн: один направился к Аахену, второй – к Триру, третий – к Саарбрюккену. Факт попрания международных норм был налицо, но в столицах европейских государств царил покойствие. В Совете министров Франции лишь генерал Гамелен высказался за всеобщую мобилизацию, но его поддержали только трое министров: М. Сарро, Ж Мандель и П. Фланден³¹. Путь к пересмотру Версальского мирного договора был проложен, и Гитлер почувствовал себя свободным в задуманной им политике милитаризации Германии и пересмотру ее роли и значения в европейских делах.

Хранила молчание и Великобритания. Ее правящие круги сразу стали укреплять и поддерживать нацистскую диктатуру в расчете на то, что она, возможно, и представляет угрозу для Великобритании, однако ее агрессивные и экспансионистские устремления удастся направить на Восток, против Советского Союза. Ярким проявлением этой политики со стороны государственных деятелей Великобритании явилось широко известное заявление английского министра иностранных дел лорда Галифакса Гитлеру сделанное им 19 ноября 1937 года о том, что вождь нацизма оказал «большие услуги» не допустив коммунизма в своей собственной стране и его «дальнейшего распространения на Запад».³²

Германский посол в Англии фон Диркенс сообщал Риббентропу 10 июля 1938 года: «Настоящее английское правительство в качестве первого послевоенного кабинета сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы;

³⁰ Военная мысль, № 4—5. М., 1942, с. 58.

³¹ Р. Картье. Тайны войны. Саратов, 2000, с. 41.

³² Военно-исторический журнал, № 6, 1960, С.68—69.

поэтому данное правительство по отношению к Германии проявляет максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков».³³

Активными сторонниками сближения с Германией в Англии были король Эдуард VIII, премьер-министр Н. Чемберлен, и видные политические деятели, такие, как Гораций Вильсон, лорд Ренсимен, посол Англии в Берлине Гендерсон и многие представители крупного капитала и большого бизнеса, определявшие политический курс страны. «Состоятельный класс в Англии, – говорил Ф. Рузвельт лорду Лотиану, – настолько боится коммунизма, который на самом деле не представляет никакой угрозы для Англии, что бросился в объятия нацизма, и теперь не знает, что предпринять».³⁴

Но был в Англии и политик, сразу увидевший в Гитлере и нацистской партии, приведшей его к власти в Германии, смертельную угрозу не только для Великобритании, но и для всего мира. Это был член парламента У. Черчилль, не перестававший предупреждать правящий класс страны об опасности сближения с нацистской Германией, режим которой он называл «зрелищем кучки людей, зажавших в свой кулак великую нацию». В первые месяцы существования фашистской власти в Германии Черчилль подчеркнул кровавый, варварский характер этого режима. «Великий доминирующий факт, – говорил он в парламенте еще в ноябре 1933 года, – состоит в том, что Германия уже начала вооружаться. В этой стране мы видим, что философия жажды крови вбивается в головы германского юношества в размерах, совершенно небывалых с дней варварства»³⁵. После захвата Гитлером Рейнской области и ее милитаризации, Черчилль одним из первых предложил создать в Европе союз государств по коллективному отпору агрессору. Он предвидел, что агрессор (которого он всегда сравнивал с удавом), не остановится на этом пути до тех пор, пока не увидит реального и могучего вооруженного сопротивления. «Европу можно спасти от войны только коллективно, организованно через Лигу Наций, решительным отпором».³⁶

Правящие круги США, Англии и Франции видели всевозрастающее могущество вооруженных сил Германии, но до начала Второй мировой войны они надеялись разрешить все возникающие отсюда тревоги и противоречия за счет Советского Союза. Они упорно толкали Германию к нападению на Советский Союз, вооружая ее и расчищая путь для фашистской агрессии, в результате которой, как они думали, будут ослаблены и Германия, и Советский Союз. Собираясь вступить в войну со свежими силами на ее завершающем этапе, англо-франко-американские империалисты полагали, что ослабленная Германия станет их легкой добычей, а страна социализма будет уничтожена и станет колонией победителя.

Но Гитлер и его генералы, мечтавшие о мировом господстве, планировали разгром своих противников как на востоке, так и на западе Европы. Но к моменту установления гитлеровской диктатуры Германия еще не обладала необходимыми военно-экономическими ресурсами и вооруженными силами. Ее правящему классу нужна была свобода рук для того, чтобы развить тяжелую промышленность, вооружаться и наращивать силы армии и флота. В этой обстановке нехитрый маневр германского правительства выразился в том, что оно стало подыгрывать западным державам, заверяя их в своей готовности вести войну против СССР, и только против СССР. В секретных инструкциях гитлеровского правительства германской заграничной прессе, разосланных в 1935 г., указывалось: «Задача германской политики – создавать впечатление миролюбия Германии и готовности ее участвовать в международных договорах. Германия изолирована, и ей угрожает окружение. Германия должна иметь полнейшую свободу вооружений. Вооруженная Германия станет притягательной силой для других стран. Для

³³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 155.

³⁴ Л. Мосли. Утраченное время. М., 1972, с. 72.

³⁵ Исторический журнал, № 9, 1941, с. 133.

³⁶ Исторический журнал, № 9, 1941, с. 131.

достижения этой цели весьма удобно использовать идею крестового похода против большевиков».

Гитлер был еще более откровенен. В беседах с близким окружением он говорил: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия – последний оплот против красного потопа. Это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружаться».³⁷

1 мая 1937 года на параде в Берлине впервые приняла участие полностью укомплектованная танковая дивизия и сотни самолетов. Это была первая демонстрация военной силы фашистской Германии. Через три дня, выступая в берлинском Спортпаласе, рейхсканцлер поставил все точки над «i», вызвав бурю восторженного ликования и энтузиазма присутствующих: «Теперь, – кричал Гитлер, – я могу открыто заявить о том, что всем вам уже известно. Мы создали такое вооружение, какого мир еще никогда не видел».³⁸

По мере возрастания военного могущества Германии, Гитлер усиливал агрессивный тон в отношении Советского Союза. В речи на ежегодном собрании немецкого рабочего фронта в Нюрнберге 12 сентября 1936 года он недвусмысленно обозначил наличие германских интересов к природным ресурсам Украины, Сибири и Урала: «Если бы Урал с его неисчислимыми сырьевыми богатствами, Сибирь с ее лесами и Украина с необозримыми плодородными землями находились в Германии, то под национал-социалистическим руководством наступило бы изобилие. Мы будем производить столько, что каждый отдельный немецкий гражданин будет иметь больше, чем нужно для жизни».³⁹

Выступая через два дня перед партийным активом, он фактически объявил долгосрочный план действий: «Нет никаких сомнений в том, что национал-социализм везде и при любых обстоятельствах посадит большевизм в оборону, разобьет его и уничтожит. Мы идем навстречу большим историческим эпохам, в которых восторжествует не одно мудрствование, а мужество... Горе тому, кто не верит Адольфу Гитлеру».⁴⁰

Представление о масштабах и характере перестройки экономики гитлеровской Германии на военный лад дает анализ капиталовложений промышленных монополий и характеристика материального результата этих капиталовложений: рост производственных мощностей, промышленной продукции и т. д. Общий размер германских капиталовложений во все отрасли народного хозяйства за период с 1933 г. по 1939 г. достиг 101,5 млрд. марок, в том числе в промышленность 17,4 млрд. марок, или 18,7%⁴¹. Основной капитал германской промышленности к началу Второй мировой войны достиг 45—50 млрд. марок, против приблизительно 30—35 млрд. марок в 1936 году; к 1944 году он увеличился примерно до 55—60 млрд. марок. Характерной особенностью германских капиталовложений в предвоенные годы являлось то, что они направлялись главным образом в тяжелую промышленность, то есть, промышленность военного значения или непосредственно в военную индустрию. С приходом фашистов к власти, всестороннюю подготовку к войне Германия осуществляла в форме так называемых «четырёхлетних планов».⁴²

Основной целью первой фашистской «четырёхлетки» (1933—1936 гг.) являлось создание прочной базы для военной промышленности, путем форсированного развития добычи

³⁷ Вопросы истории, № 5, 1959, с. 36.

³⁸ Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М, 1990, с. 195.

³⁹ Исторические записки, № 9(127), 2006, с. 223.

⁴⁰ Там же, с. 203.

⁴¹ *И. Файнгар*. Промышленный потенциал гитлеровской Германии. // Мировое хозяйство и мировая политика, № 3, 1947, с. 29.

⁴² ЦАМО РФ. Ф.15, 0.977444, д.124, л.17.

угля, производства чугуна и стали, машиностроения, химической и некоторых других отраслей промышленности. Свою вторую «четырёхлетку» (1937—1940 гг.), декларированную на съезде фашистской партии в Нюрнберге в сентябре 1936 года, гитлеровцы маскировали заявлениями о неотложной необходимости борьбы за дальнейшее развертывание добычи и производства важнейших видов стратегического сырья, за полное освобождение Германии от импортной зависимости, за еще большее расширение машиностроительной и химической промышленности⁴³. В действительности же эта вторая «четырёхлетка» имела своей целью окончание экономической подготовки Германии к войне и создание значительного экономического превосходства ее над другими странами.

В 1939 году Германия по уровню своих военных расходов (40 млрд. марок) далеко опередила другие страны; ее военные расходы составляли тогда более 60 процентов всего государственного бюджета. Еще большие расходы потребовала сама война. Если на первом году войны они увеличились с 41,23 млрд. марок до 104,08 млрд. марок, то на пятый год войны они увеличились в 2,5 раза. Всего же за годы Второй мировой войны прямые военные расходы Германии составили свыше 425 млрд. марок. Это сумма в три с лишним раза превосходит военные расходы Германии в Первую мировую войну⁴⁴. За период с 1934 по 1940 год военное производство в фашистской Германии увеличилось в 22, а численность вооруженных сил в 35 раз. К середине 1941 года в составе вермахта находилось более 7,3 млн. человек.⁴⁵

В феврале 1938 года Гитлер стал Верховным главнокомандующим вооруженных сил Германии и объявил о создании Главного штаба во главе с генералом Кейтелем, а 4 сентября был образован Совет государственной обороны, который возглавил самый воинственный соратник фюрера фельдмаршал Геринг, но номинальным его главой считался Гитлер. В состав Совета входили: начальник Главного штаба, главнокомандующие сухопутными войсками, военно-воздушными силами и военно-морским флотом, министры и государственный уполномоченный по военной экономике. Задачи Совета определил Геринг на заседании 23 июня 1938 года: «... Совет обороны является... решающим центром в империи по вопросам подготовки войны».⁴⁶

Как только нацисты пришли к власти, Гитлер сразу заговорил о присоединении Австрии. Еще ведя борьбу за власть, национал-социалистическая партия Германии сумела создать в Австрии сеть партийных организаций, исповедовавших те же националистические идеи, что и в Германии. Они стали обретать силу и в июле 1934 года Берлин попытался с помощью этих фашистских организаций осуществить вооруженный путч в Вене, главари которого намеревались сразу объявить о присоединении Австрии к Германии. Путч был подавлен верными правительству войсками. В июле 1936 года фашистская Германия навязала Австрии соглашение, в соответствии с которым Австрия объявлялась «вторым германским государством» и фактически обязывалась подчинить свою политику интересам германского фашизма. В феврале 1938 года Гитлер добился включения австрийского нациста Зейс-Инкварта в австрийское правительство в качестве министра внутренних дел. С его назначением угроза полной оккупации Австрии вермахтом нарастала с каждым днем. 11 марта 1938 года австрийский канцлер Курт фон Шушнинг обратился к народам планеты по радио: «Перед лицом всего мира я сообщаю во всеуслышание, что правительство Германии вручило сегодня австрийскому президенту Микласу ультиматум. В нем предписывается, чтобы на пост канцлера Австрии было назначены лица по выбору германского правительства; это лицо должно сформировать каби-

⁴³ Там же, л. 17.

⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 15, 0.977444, д.124, л.376—377.

⁴⁵ Военная мысль, № 6, 1981, с. 16.

⁴⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. II. М., 1958, с. 85.

нет министров, удобный правительству Германии. Если эти требования не будут выполнены, немецкие войска вступят на территорию Австрии».⁴⁷

Это выступление австрийского канцлера в мировых СМИ было подано как сенсационная весть, на которую ведущие правительства европейских стран и США откликнулись ничего не значащим дипломатическим протестом. Германское правительство ответило, что «аншлюс есть внутреннее дело немцев». Так появился новый канцлер Австрии Зейс-Инкварт, который сразу обратился к Гитлеру с просьбой «помочь в поддержании порядка и спокойствия в стране, выслав для этого войска как можно скорее». 12 марта «отзывчивые» немецкие войска вступили в Австрию.⁴⁸

Пассивность и безразличие, с каким английское и французское правительства восприняли вступление немецких войска в Австрию и присоединение этой страны к Германии показали Гитлеру, что его политика расширения границ Третьего рейха находит поддержку в Лондоне и Париже, и он надеялся продолжать их дурачить под маской необходимости приращения могущества для нападения на Советский Союз.

После захвата Гитлером Австрии Черчилль убежденно говорил, что со стороны Германии неизбежно последует «новый шаг» – захват Чехословакии. «Зря думают в Англии, что фашистская Германия, подобно удаву, проглотившему свою жертву, задремлет, насытившись на сравнительно длинный период. Нет! Это удав особого рода. Громадная машина вооружений, приводимая Гитлером в действие, не может бездействовать сравнительно долгий период. В этом внутренняя логика режима».⁴⁹

Черчилль настойчиво требовал от английского правительства защиты во чтобы то ни стало Чехословакии от всяких посягательств со стороны Германии. В захвате Чехословакии он видел угрозу со стороны фашистской Германии всему Дунайскому бассейну. Этот захват обеспечил бы Гитлеру возможность вести большую и длительную войну, тогда как до захвата Чехословакии он мог вести только короткую войну. И во время чехословацкого кризиса Черчилль считал, что Англия, Франция и Советская Россия должны послать Гитлеру ультиматум – оставить в покое Чехословакию.

Советское правительство не признало аншлюса Австрии и в лице народного комиссара иностранных дел сделало заявление для представителей печати, в котором указало, что «на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором одиннадцати стран, но и «для всех европейских государств, и не только европейских... В первую очередь возникает угроза Чехо —

Словакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты». Нарком Литвинов заявил о готовности Советского правительства «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усиливающейся опасности новой мировой бойни»⁵⁰. Сталин, обладавший чутким предвидением, увидел в аншлюсе Австрии повторение событий прошлого века, когда, вооружаясь, Пруссия стала расправляться со своими соседями поодиночке, что привело к развязыванию Первой мировой войны. Вот почему так пророчески и предостерегающе прозвучали слова Советского правительства, что «завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира».⁵¹

⁴⁷ Военная мысль, № 5, 1960, с. 5.

⁴⁸ Военная мысль, № 5, 1960, с. 5—6.

⁴⁹ Исторический журнал, № 9, 1941, с. 130.

⁵⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 102—105.

⁵¹ Известия, № 65 от 18 марта 1938 г.

Эти предостережения не были услышаны, прежде всего, в Лондоне, Париже и Вашингтоне, где правительства уподобились глухарям, и чьим тайным и сильным инстинктом оставалось стремление направить возрастающую мощь Германии против Советской России, о чем, как заклинание, твердил им и сам Гитлер. Он еще больше уверовал в свою непогрешимость и в свое предназначение сделать Германию великой, когда узнал, что «премьер-министр Англии и министр иностранных дел Галифакс отклонили после захвата Австрии советское предложение о коллективных действиях против немецких захватчиков»⁵². С Францией он не считался, видя, как она слепо двигается в фарватере английской политики.

После аншлюса Австрии Гитлер не скрывал своих захватнических планов по присоединению новых земель за счет соседних государств. «История всех времен, в том числе Римской и Британской империй доказывает, – твердил он своим генералам, – что всякое расширение пространства может происходить только путем преодоления сопротивления, и, причем, с риском». На себя и своих генералов он возложил всю проблему расширения границ в Европе в интересах Третьего рейха заявив, что ее надо решить в течение шести-семи лет, так как «после этого периода можно ожидать лишь изменения обстановки не в нашу пользу»⁵³. На одном из совещаний с военными руководителями Гитлер откровенно изложил свои планы по захвату Чехословакии, утверждая, что того же хотят и жители этой страны.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Л. Бек одним из первых среди немецких военачальников противился вводу германских войск в Чехословакию и представил Гитлеру меморандум, в котором он назвал его политику опасной и предупредил, что она неизбежно приведет к новой мировой войне и «краху Германии»⁵⁴. Зная, что Бек не может быть единственным выразителем таких взглядов, Гитлер собрал весь высший генералитет и произнес перед ними вдохновляющую речь о величии Германии при содействии армии его планам и целям, убедив всех, что при оккупации германскими войсками Чехословакии английское правительство во главе с Чемберленом будет оставаться на позициях невмешательства. После ухода в отставку с поста начальника Генерального штаба генерал Бек в новой памятной записке «Германия в будущей войне» (август 1938 г.) еще более определенно указывал на неподготовленность Германии к войне на два фронта, в которой в качестве противника будет выступать Советский Союз. «В случае войны против мировой коалиции, – писал Бек, – Германия будет побеждена и, в конце концов, окажется выданной на милость победителей». С началом войны против СССР генерал Бек не был возвращен на военную службу. В беседе с одним из офицеров он сказал, что «эта война была проиграна еще до того, как раздался первый выстрел немецкого солдата».⁵⁵

Быстрый успех, с каким была присоединена Австрия к Германии, придала Гитлеру еще большие силы и уверенность в потворстве западных стран его агрессивной политике, направленность которой он ни от кого не скрывал – подготовке войны против Советского Союза. Гитлер открыто стал готовиться к отторжению Судетской области Чехословакии и ликвидации чехословацкого государства. Он даже считал, что англичане и французы должны ему еще больше за колонии, которые они отняли у Германии в результате своей победы в Первой мировой войне. Английское правительство уступало в этом вопросе напору Германии, соблюдая на словах принцип исторической справедливости, а на деле прикрывала воинственную политику Берлина в надежде, что руками фюрера и его армии оно покончат с большевизмом в России, откуда, как казалось, исходит главная угроза миру и опасность британскому привилегированному классу. Прикрывая свою политику попустительства Гитлеру, английское прави-

⁵² Б.Л. Гарт. Важнейшие стратегические решения. От «Барбароссы» до «Терминал». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 16.

⁵³ Военная мысль, № 6, 1981, с. 19.

⁵⁴ Там же, с. 16.

⁵⁵ Вопросы истории, № 1, 1966, с. 70.

тельство направило в Чехословакию лорда Ренсимена, который должен был на виду у международного общественного мнения выработать приемлемую дипломатическую форму для раздела Чехословакии и поглощения ее фашистской Германией. Английский лорд разыскал в древней истории удобное политическое решение для разрешения надуманного кризиса вокруг чехословацкого государства, которое коренилось, как он сообщал в Лондон, в вековых противоречиях «между тевтонской и славянскими расами в области, ныне называемой Чехословакией»⁵⁶. Искжая действительность и игнорируя факты, лорд Ренсимен, без всякого стыда, повествовал своему правительству о притеснении славянами немцев, в то время как немцы имели равные права с чехами и словаками и были хозяевами положения даже в тех районах, где они составляли меньшинство, и посоветовал все эти районы (включая Судетскую область) передать Германии. По сути, лорд изложил своему правительству взгляды лидера Судетско-немецкой партии в Чехословакии К. Генлейна, и действовавшего по прямому указанию из Берлина. Судьба Чехословакии была решена: английское и французское правительства толкали чехословацкое правительство на капитуляцию. Это читалось в предложении Англии и Франции президенту Чехословакии, сделанное 19 сентября 1938 года, в котором было сказано, что «...оба правительства вынуждены придти к заключению, что поддержание мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно обеспечено, если эти районы (Судетскую область. – *Авт.*) сейчас же не передать Германской империи».⁵⁷

В ответ, через сутки, 20 сентября, чехословацкое правительство сообщило Великобритании и Франции, что их предложения не пригодны для достижения цели, которое преследует британское и французское правительства в своих усилиях в пользу сохранения мира. В Праге был сделан очень верный вывод, который вскоре сбудется: «Паралич Чехословакии имел бы в результате глубокие политические перемены во всей Средней и Юго-Восточной Европе. Равновесие сил в Средней Европе и Европе вообще было бы уничтожено; это повлекло бы за собой далеко идущие последствия для всех остальных государств и особенно для Франции». В самом конце своего послания чехословацкое правительство снова делает злоеущее предупреждение, что «в этот решительный момент речь идет не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции».

Советское правительство, видя неизбежность надвигающейся всеобщей войны, к которой стремительно шла фашистская Германия, 20 сентября заявило, что оно окажет Чехословакии «немедленную и действительную помощь, если Франция останется ей верной и также окажет помощь»⁵⁸. Москва не просто заявляла, а практически осуществила ряд мер, направленных на поддержку Чехословакии, если она подвергнется нападению со стороны Германии. На ее аэродромы было отправлено 300 советских самолетов, а войска Киевского военного округа были приведены в боевую готовность и 30 дивизий были сосредоточены у его западных границ.

В ответ Гитлер усилил подрывную деятельность в Чехословакии, преследуя цель взорвать изнутри обстановку в этой стране. С помощью агентуры он подталкивал судетских немцев к неповиновению чешским властям. Воспользовавшись небольшим пограничным инцидентом, в результате которого погибло несколько немцев, Гитлер выдвинул германские войска к границе с Чехословакией в надежде оказать политическое и военное давление на страну, чья армия исчислялась в 400 тыс. человек. Но так как Советский Союз и Франция в 1935 году заключили с Чехословакией договор о взаимопомощи, и на тот исторический момент Париж готов был вместе с Москвой выполнить свои обязательства, то Гитлер вынужден был отвести свои войска от границы.

⁵⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М. 1948, с. 227.

⁵⁷ Там же, с. 203.

⁵⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, с. 240.

Продолжавшиеся переговоры о судьбе Чехословакии с премьер-министрами Англии и Франции, проходившие в Берхтерсгадене и Бад-Годесберге в конце сентября Гитлер вел с позиции угроз и грубых намеков, что, приобретая новые территории на востоке, он приближается к своей извечной цели – войне с большевистской Россией. Потворствуя фашистской Германии, английский премьер-министр Чемберлен 27 сентября сообщил президенту Бенешу, что «если в течение дня Чехословакия не примет требований Гитлера, она подвергнется нападению и ничто не спасет ее от поражения и оккупации».⁵⁹

Теперь судьба Чехословакии всецело зависела от того, как поведет себя в этих условиях президент Чехословакии Бенеш и его правительство. Ведь на тот период времени Чехословакия имела одну из самых сильных армий в Европе: 45 дивизий, 1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий и минометов, а ее границу с Германией прикрывала полоса долговременных оборонительных укреплений в Судетских горах, не уступавших по своей мощи французской «линии Мажино». Но могущество армии кроется не в прочности оборонительных укреплений, а в силе духа лидеров нации, которые могут поднять и воодушевить свой народ к сопротивлению, сделать их нестигаемыми и непобедимыми, или совершенно ослабить своим бездействием и нерешительностью. К сожалению, те государственные деятели, что стояли в то время у государственного руля Чехословакии, оказались людьми слабыми и слишком осторожными, считавшимися не с настроением народа и армии, готовыми сражаться и умирать за свою свободу и независимость, а с мнением западных лидеров, прежде всего Чемберлена и Даладье, которые настаивали на капитуляции Чехословакии перед притязаниями гитлеровской Германии.

Гитлер подталкивал руководителей Великобритании и Франции к подписанию этого соглашения. 26 сентября на массовом митинге во дворце спорта в Берлине, он не скупился на обещания: «Мы подходим сейчас к последней проблеме, требующей своего разрешения. Это последнее территориальное требование, которое я выдвигаю перед Европой. В 1919 году три с половиной миллионов немцев были отрезаны от своих соотечественников группой сумасшедших политиков. Чехословацкое государство выросло из чудовищной лжи, а имя этого лгуна – Бенеш».⁶⁰

У чехословацких руководителей не хватило воли противостоять диктату великих европейских держав и на Мюнхенской конференции, состоявшейся 29—30 сентября 1938 года, на которую их даже не пригласили, был рассмотрен проект соглашения, подготовленный Муссолини, в котором были отражены все требования Гитлера. Главами Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), нацистской Германии (А Гитлер) и фашистской Италии (Б. Муссолини) было подписано соглашение, в соответствии с которым Чехословакия должна была передать Германии не только Судетскую область, но и пограничные районы с Австрией, захваченные гитлеровцами в 1938 году. Подписывая этот документ международного разбоя, Чемберлен и Даладье были убеждены, что теперь все воинственные устремления Гитлера будут направлены на Восток. Весь замысел был прост и состоял в следующем: чтобы вызвать войну между Германией и СССР, надо было связать эти государства общей границей, которой у них до этого не было.

Ведь еще Бисмарк заметил, «что географически Германия и Россия так расположены в Европе, что они не могут угрожать друг другу без завоевания стратегических позиций на севере и юге восточноевропейских стран и пока они остаются свободными и независимыми мирное спокойствие обеспечено всем европейским народам».⁶¹

⁵⁹ Советская историческая энциклопедия, т. 9. М, 1966, с. 852—853.

⁶⁰ Гаек И. Мюнхен. М, 1960.

⁶¹ Бисмарк О. Воспоминания. Минск-М, 2001.

Накануне подписания Мюнхенского соглашения, в Англии и Франции правительственные средства информации нагнетали психоз «приближения войны». В среду 28 сентября война уже всем казалась неизбежной. Во Франции основные дороги, ведущие из Парижа на запад, были забиты автомобилями, которые двигались непрерывным потоком. Треть жителей покинула французскую столицу. В Англии населению раздавали противогазы, в парках рыли щели, которые при воздушных налетах служили бы убежищами, началась эвакуация детей. Первые зенитные орудия вытянули к небу длинные зенитные стволы, чтобы защищать девять миллионов лондонцев от нападения с воздуха; по официальным подсчетам, такое нападение должно было в первые же дни войны унести пятнадцать тысяч человеческих жизней.⁶²

Предательское соглашение было подписано и Чемберлен, вернувшись в Лондон, радостно заявил в аэропорту, размахивая текстом соглашения: «Я принес мир нашему времени». Депутат английского парламента Черчилль, критикуя миротворца Чемберлена в палате общин, пророчески произнес: «Не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это первый глоток. Первое предвкушение той горькой чаши, которую нам будут подносить год за годом».⁶³

После присоединения Чехословакии к Германии она была преобразована в «протекторат Чехии и Моравии».⁶⁴

Ближние соседи Чехословакии, Польша и Венгрия, увидев неизбежность беды, вместо помощи чехословацкому правительству поспешили в Берлин, где руководители этих стран наперебой предлагали свои услуги по расчленению соседнего государства и просили для себя новых территорий при начале неправогo грабежа. Гитлер сполна воспользовался услугами сателлитов и придал своему захвату Чехословакии всеевропейское значение, разрешив полякам овладеть Тишинской Силезией, а венграм отдал часть Словакии и часть Закарпатской Украины, лицемерно заявив при этом, что Польша и Венгрия являются важнейшими политическими образованиями, «защищающими Европу от России»⁶⁵. Для поляков дар Гитлера был страшнее дара данайцев – в Тишинской области существовала мощная профашистская организация, которая держала в напряжении все южные земли Польши и способствовала быстрому продвижению фашистских войск к Кракову, когда Германия напала на Польшу. Не меньшую цену заплатит Венгрия за свою приверженность курсу гитлеровской Германии – на полях Второй мировой войны, в которую втянул ее Гитлер, венгры потеряют около полумиллиона своих граждан и сполна испытают горечь поражений и тяжелых утрат.

Легкость, с какой Германия овладела Чехословакией на глазах у удивленного мирового сообщества, породила у Гитлера небывалый подъем духа, вскруживший ему голову, и он окончательно уверовал в свою способность переделать окружающий мир и сделать его таким, каким он виделся в его честолюбивом воображении. В этом мире должны были главенствовать только одни немцы, всем остальным народам предназначалась судьба если не рабов, то людей, относящихся к низшей расе. Войной он жил и ею был пропитан весь его незаурядный ум, а врожденная способность подчинять и обвораживать окружающих его людей своими идеями, сделала его непревзойденным лидером в нацистской партии, которую он взлелеял собственными руками и привел к власти в Германии. Аншлюс Австрии и овладение Чехословакией, сделанное по его непосредственным планам и под его контролем, снискало ему такой авторитет в партии и среди германского генералитета, что Гитлеру стали поклоняться и обожествлять его, выполнять его поручения и приказания вплоть до самопожертвования, почиталось за честь. Воинственный дух, исходивший от фюрера, поразил генералитет и весь высший чинов-

⁶² Л. де Ионг. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М, 1958, с. 64.

⁶³ Гаек И. Мюнхен. М, 1960.

⁶⁴ Военно-исторический журнал, № 1, 1960, с. 83.

⁶⁵ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М, 1948, с. 210—213.

ный люд рейха. Во всем высшем нацистском обществе обсуждались новые планы по распространению германского влияния в Европе, а нацистская верхушка усиленно готовила немцев к новой войне и, прежде всего, с Советской Россией, откровенно описанной фюрером в его книге «Майн Кампф». Выражая это общее настроение, Гитлер, вскоре после оккупации Чехословакии, 23 ноября 1938 года, выступая с большой речью перед командующими войсками вермахта, заявил, что он не имеет еще ясного представления как действовать: «Начать войну сначала против Востока и затем против Запада, или наоборот».⁶⁶

Но были в германском обществе и те государственные деятели, кто с тревогой смотрел на возрастающие политические притязания Гитлера в Европе, видя в этом повторение того тяжелого пути, который прошла Германия в годы Первой мировой войны. Когда немецкие войска входили в Чехословакию, то находящийся с рабочим визитом в Вене начальник службы контрразведки вермахта адмирал Канарис, узнавший по радио об этом событии, прозорливо заявил: «Теперь Вторая мировая война неизбежна», и добавил, что «роковой ход событий уже нельзя остановить»⁶⁷. Адмирал испытал страшное душевное потрясение, и по всему было видно, что у этого офицера была потеряна цель жизни, а вся его работа служила захватническим целям Гитлера, рано или поздно обреченным на провал.

Потворство правительств Великобритании и Франции политическим устремлениям Гитлера дорого стоило европейским народам, да и сами англичане и французы заплатили слишком большую цену за нахождение во власти правительств во главе Н. Чемберленом и Э. Даладье, не увидевших в главаре германских нацистов международного разбойника, сумевшего создать в своей стране жестокий режим единовластия.

Коллективной безопасности от угрозы агрессии, исходящей от нацистской Германии, к созданию которой так настойчиво призывал Советский Союз, не получилось, и теперь ведущим государствам в Европе, каждому в отдельности, нужно было решать вопросы безопасности в одиночку. Англичанам не представляло большого труда к этому подготовиться – они имели самый мощный флот в мире, и их островное положение, пока Дания, Бельгия, Голландия и Норвегия оставались независимыми, во все века обеспечивало им надежную безопасность. В таком же положении находились и США – они имели возможность выжидать развития событий до самых крайних угроз для их безопасности на Европейском континенте, как это случилось в Первой мировой войне, чтобы вмешаться на той воюющей стороне, где победа была им обеспечена. Самый губительный для себя путь избрала Франция, и большую долю вины за это несут британские политики, руководившие в тот исторический период внешней политикой Франции. Видный государственный деятель Франции А. Бриан всегда отстаивал систему коллективной безопасности, в которой ключевую роль в Европе играли бы Англия и Франция. Он считал, что такое направление отвечало и жизненным интересам Англии. Выступая в 1924 году в Каннах, он говорил: «Прийти на Рейн защищать нашу границу – это вовсе не будет оказанием помощи только Франции. Этим вы, англичане, окажете помощь также и самим себе. Вы защитите вашу и нашу границу».⁶⁸

Стратегическое положение Франции было настолько шатким и незащищенным, что Англия должна была после захвата Гитлером Чехословакии образовать единое командование, как это было сделано в годы Первой мировой войны, и вместе с Францией разделить ее судьбу. Но англичане не сделали этого, и более трагичной судьба оказалась у французов. Гитлер сумел перессорить государства Запада с Советским Союзом, разъединить их намечавшиеся усилия к сближению и объединению и, обретя силу, стал готовиться к их уничтожению поодиночке.

⁶⁶ В. Блейер, К. Дрекслер и др. Германия во Второй мировой войне (1939—1945). М, 1971, с. 17.

⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф.15, оп.. 977444, д.51, л.15.

⁶⁸ История дипломатии. Т. 3, с. 316.

17 апреля 1939 года Советское правительство выдвинуло официальное предложение о создании единого фронта взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР для противодействия возможной агрессии со стороны Германии. По замыслу предложений, эти три державы должны были гарантировать неприкосновенность государств Центральной и Восточной Европы, к которым могла примкнуть и Польша. На переговоры Лондон и Париж откликнулись, но прибывшие в Москву делегации не были наделены необходимыми полномочиями и они не хотели связывать себя никакими обязательствами по отношению к СССР, стремились навязать нашей стране неравноправное соглашение, взвалив на Советский Союз всю тяжесть ведения возможных военных действий с германским агрессором. У. Черчилль после войны вспоминал: «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в таком случае от них будет мало проку. Надвигающаяся буря была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе».⁶⁹

С этого времени Сталин решил не унижаться перед Лондоном и Парижем, не просить о совместных действиях против Германии, а вооружаться и попробовать завязать политические отношения с Гитлером, от кого зависела судьба войны или мира в Европе – чтобы отодвинуть схватку с ним и чтобы лучше к ней подготовиться.

⁶⁹ У. Черчилль. Вторая мировая война. Т.1. М., 1991, с. 166.

Глава II

Ю. Пилсудский и его режим «санации» в Польше. – Нарастание угроз Польше со стороны Гитлера и «гарантии безопасности» Англии и Франции – Переговоры в Москве военных делегаций Англии, Франции и СССР по противодействию агрессии Германии и их срыв. – Позиция Польши – Пакт Молотова – Риббентропа.

Первая мировая война помогла Польше освободиться как от русского, так и немецкого гнета и во вновь созданном Версальским договором польском государстве ее бессменным лидером стал Ю. Пилсудский, с которым связано создание польской социалистической партии (ППС), которая ставила своей главной целью обретение независимости. Это был один из тех лидеров, о ком всегда идет двойная молва: одна – хорошая, другая – плохая и они уходят в другой мир, так и не раскрыв своего подлинного «я». Пилсудский рано встал на путь политической борьбы за обретение независимости Польши и основным методом борьбы с царским самодержавием, он, как и эсеры, избрал террор. Он был причастен к убийству императора Александра II⁷⁰, за что был осужден к ссылке в Сибирь, где в нем укрепились идеи бескомпромиссной борьбы за независимость Польши, за отделение ее от России. Встав на этот путь, он не брезговал сотрудничать и получать материальную помощь от всех государств, кто вел постоянную тайную и открытую борьбу с царской Россией за лидерство в Европе и Азии. Во время Русско-японской войны, он предлагал свои услуги Японии для организации польского легиона для борьбы с русской армией на территории польского царства, взаимодействовал с финскими сепаратистами и постоянно сотрудничал с австрийским генеральным штабом, и австрийской разведкой в деле нанесения вреда военной и экономической мощи царской России. А так как австрийская разведка работала под эгидой прусской разведки, то Пилсудский обслуживал две сильные разведки и был одним из самых засекреченных их агентов⁷¹. Свои боевые террористические отряды он, с одобрения австрийских властей, укрывал в Австрии, они затем стали ядром для создания польского легиона, действовавшего в Первую мировую войну в составе австро-венгерских войск против русской армии и содержавшегося за счет австрийской казны. К моменту объявления войны Пилсудский занимался комплектованием особых польских добровольческих батальонов, которые первыми, еще утром 6 августа 1914 года, за несколько часов до объявления Австро-Венгрией войны России, нарушили русскую границу и, совершая диверсии и убийства, вторглись на русскую территорию, неся смерть и разрушения⁷². Окончание Первой мировой войны стало взлетом Пилсудского к вершинам власти в Польше, и немцы всячески помогали ему в подавлении революционного движения в Варшаве и других городах страны.

Вместе со своими сторонниками Пилсудский мечтал возродить Польшу от Гданьска до Одессы и все земли восточнее линии Керзона польский диктатор считал несправедливо отторгнутыми. В 1919 году его войска, воспользовавшись слабостью молодой советской республики и гражданской войной, захватили ряд районов Украины и Белоруссии, включая Минск Советско-польская война в 1920 году была развязана в угоду тех сил на Западе, кого пугала идея построения социалистического общества в Советской России, основанная на программе всеобщего равенства и всеобщего процветания. В подготовке армии и ее перевооружении для нападения на Советскую Россию, Пилсудскому помогали как страны Антанты, прежде всего Франция и Англия, так и Германия с Австрией, попытавшихся через поляков взорвать непрочный

⁷⁰ Советская историческая энциклопедия, т. 11. М., 1968, с. 144.

⁷¹ Исторический журнал, № 11, 1939, с. 58.

⁷² Исторический журнал, № 11, 1939, с. 59.

мир после Версальских соглашений и добиться для себя послаблений в репарациях и в военной сфере. Война была неудачной для обоих государств. После первых успехов, результатом которых было овладение Киевом и левым берегом Днепра, польская армия была вынуждена отступить до Варшавы, у стен которой она смогла не только отразить наступление Красной Армии, но и нанесла мощный охватывающий удар с севера по правому флангу фронта, возглавляемого Тухачевским, в результате чего более 100 тыс. русских солдат было пленено и их всех ждала мученическая смерть в польских лагерях от голода, издевательств и прямых убийств. Рижский мирный договор, подписанный воюющими сторонами в 1921 году, установил новые границы между Польшей и Советской республикой, и они пролегли восточнее линии Керзона, отторгая от России Западную Украину и Западную Белоруссию⁷³, что делало этот мир непрочным и недолгим, потому что он был несправедлив.

Пилсудский старался служить Польше, но, связанный крепкими агентурными узами с австрийской и германской разведками, он все делал с оглядкой на Берлин и Вену, всячески угождал им, но порой и пренебрегал их советами и рекомендациями, отчего там не уменьшалось, а, наоборот, росло к нему пренебрежение и ненависть, перекинувшиеся затем на всех поляков. У него была патриотическая риторика, в которой он изливал свою любовь к Польше и полякам, но в действительности он служил Германии, постоянно делая ей экономические и политические уступки.

В 1923 году Пилсудский был вынужден отказаться от управления Польшей, но при поддержке германского капитала он в 1926 вновь захватывает власть и демагогически обещает провести «санацию», то есть, оздоровить и укрепить польское государство, и навести в нем порядок и спокойствие. На деле его санационное правительство, состоящее из агентов Австрии и Германии, довело Польшу до полного разорения и ослабления. Ее промышленное производство в 1937 году, в сравнении с промышленным производством на тех же территориях в 1913 году было значительно ниже отнюдь не высокого уровня тех прошлых лет⁷⁴. Польша была слабым, отсталым, неразвитым в промышленном и культурном отношении государством, и одной из самых бедных стран Европы.⁷⁵

При Пилсудском были налажены тесные политические и экономические связи с фашистской Германией, и даже ненависть берлинских властей к евреям была перенесена в варшавские коридоры власти. «Скамеечное гетто» в высших учебных заведениях Польши и еврейские погромы, спровоцированные полицией при помощи старого, испытанного и примитивного средства – средневековой легенды о ритуальном убийстве – вызывали восторженные и хвалебные оды фашистских заправил Геринга, Гимmlера, Розенберга, Франка и самого Гитлера.

Последние предвоенные годы были временем усиливающегося сближения ведущих политических фигур санации в Польше и нацистского режима в Германии. Геринг, Гимmlер, Розенберг, Франк, Риббентроп были почетными гражданами крупных польских городов, и они же были постоянными гостями Варшавы. В свою очередь, ведущие польские политики надолго отъезжали в Берлин, скрепляя «нерасторжимые узы» двух государств в преддверии антисоветского «крестового похода».⁷⁶

Особенно тесным было сотрудничество разведок двух государств – ведь все «сливки санационного правительства» Пилсудского, а потом и Рыдз-Смиглы были заготовлены в темных кабинетах разведок Австрии и Германии. Всей политической и военной жизнью Польши заправлял второй отдел Генерального штаба, в недрах которого стажировались все тогдашние политики, и здесь же формировалось общественное мнение, которое могло влиять на

⁷³ Дипломатический словарь. Т.3. М., 1986, с. 273.

⁷⁴ В. Грош. У истоков сентября 1939 года. М., 1951, с. 6—7.

⁷⁵ Там же, с. 25—26.

⁷⁶ Там же, с. 52—54.

ход политической жизни в Польше. Рыдз-Смиглы, Бек, Перацкий, Матушевский, Косцялковский, Славек, Медзинский, Щецель, Голувка, Сцежинский и многие другие видные министры и политики Польши были выходцами второго отдела Генерального штаба, который в свою очередь управлялся шефом гестапо и СС Гиммлером⁷⁷. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек с молодых лет усердно служил интересам Германии, и французское правительство еще в 1920 году постаралось выдворить его из Франции, когда тот работал в польском посольстве в Париже, как агента, сотрудничавшего с немцами.

Когда к власти в Германии пришел Гитлер, Пилсудский в своем угодничестве превзошел самого себя, отдав немцам всю свою агентуру, которую он имел в Советском Союзе, и Гитлер тут же заставил все ее звенья приступить к активной работе, что привело к многочисленным провалам и разоблачениям, и помогло Сталину раскрыть все преступления, связанные с изменой и предательством в партии и советских органах власти за несколько лет до начала войны. Пилсудский сделал это из-за ненависти к советской власти и к русскому народу, к которому он всегда питал недобрые чувства. Ненависть у поляков может затмить их разум, и тогда они совершают ошибки, несовместимые со своей приверженностью к жизни, которой они готовы пожертвовать ради этой ненасытного чувства.

В Польше всю внутреннюю жизнь направляли видные руководители гитлеровского режима. Гиммлер управлял действиями польских властей на фронтах внутренней борьбы с рабочим классом и крестьянством и «красной опасностью, исходящей от восточного соседа», Канарис – глава немецкой разведки – имел возможность влиять на назначения в польском правительстве и польской армии, Геббельс определял тон польского радио и печати, Риббентроп, через польского посла в Берлине Линского и самого министра иностранных дел Бека, располагал солидным влиянием на формирование польской внешней политики в интересах Германии. Государственным аппаратом полностью овладела немецкая разведка, люди Гиммлера и Канариса распоряжались в Польше, как у себя дома.⁷⁸

Фашизация политической жизни в Польше шла долгие годы. Годами польскому народу внушали, что пример национал-социалистов в гитлеровской Германии, прикрывающихся маской борцов с большевиками, является единственным верным путем для их развития. И польское руководство долго шло по этому пути. Гитлер надеялся, что после того, как польское правительство приняло участие в разделе Чехословакии, оно намертво связало себя с целями захватнической политики Германии, и Польша примет участие в войне как с западными странами на стороне немцев, так и с Советским Союзом. Варшава проявляла рабскую готовность участвовать вместе Берлином в нападении на Советский Союз, но долго медлила, а потом и вовсе отказалась от участия в войне на стороне Германии против Франции и Англии. Заслуга в этом принадлежит британской политике и британской разведке, сумевшим среди польских лидеров того времени привлечь на свою сторону ряд влиятельных политиков, чье мнение перевесило стремление польского руководства слепо следовать в русле гитлеровского курса войны против западных стран. Но как только в Берлине узнали об этом – судьба Польши была решена. Долго сдерживаемое в Гитлере презрение к польским политикам, которых он считал продажными слугами прусской разведки, и ко всем полякам вообще, тут же переродилось в ненависть, этому глубинному чувству немцев, постоянно присутствующему в них, точно также, как и у поляков к русскому народу. Гитлер записал Польшу в стан своих заклятых врагов, и перед нападением на Францию и Англию он решил расправиться Польшей, разгром которой создавал ему выгодные условия для ведения войны как на западе, так и на востоке. Польша граничила с Советским Союзом и Гитлеру, как воздух, для задуманной им войны с Советской Россией, нужен был выход к этим границам. В его хитром и коварном уме еще не было намерения

⁷⁷ В.Грош. У истоков сентября 1939 года. М, 1951, с. 55.

⁷⁸ В. Грош. У истоков сентября 1939 года. М, 1951, с. 60.

привлечь к разделу Польши Советский Союз, потому что он тогда не допускал даже мысли, что может возникнуть такая политическая ситуация, когда правительства Франции и Англии пойдут наперекор своим национальным интересам и в ненависти к Советскому Союзу откажутся заключать оборонительный союз с Москвой, а поляки не захотят опираться на помощь русских. Этот безумный курс оттолкнет от них Сталина, и он вынужденно пойдет на сотрудничество с Германией, чтобы отодвинуть от себя войну хотя бы на несколько лет.

Трения между двумя странами, переросшие в неприязнь и острейшие противоречия, возникли после того, как руководители Польши в ходе переговоров с германской делегацией отказались удовлетворить требования Гитлера передать Германии Данциг (Гданьск) и права на строительство в Польском коридоре экстерриториальных автострады и железной дороги. Поляки не уступили даже тогда, когда немцы потребовали выполнить их условия ультимативно. Но судьба Польши была решена еще раньше. Сразу после захвата Чехословакии Гитлер, предвидя дальнейшее развитие своих военных устремлений, отдал Генеральному штабу распоряжение немедленно приступить к разработке плана операции против Польши. В январе 1939 года в Кенигсберге и Штеттине были проведены командно-штабные учения с командующими армиями и командирами корпусов и их штабами по отработке задач по вторжению в эту страну⁷⁹. Вся группировка немецких войск у польской границы в течение нескольких месяцев выстраивалась для вторжения на польскую территорию. Война вплотную подошла к польскому порогу, но в Варшаве польское руководство продолжало разыгрывать антисоветскую карту и пыталось играть роль великой державы, от позиции которой зависит мир в Европе.

Замечая нарастание угроз Польше со стороны Германии, которые одновременно вели и к нарастанию угроз Советскому Союзу, правительство СССР отправило в Варшаву в мае со специальной миссией заместителя наркома по иностранным делам В. Потемкина, который привез польскому правительству предложения о политическом и военном сотрудничестве. Не получив ясного ответа на свои предложения, Москва предложила польскому правительству заключить пакт о взаимопомощи. Но польское правительство 11 мая 1939 года отвергло военную помощь со стороны СССР. Оно также не согласилось разрешить проход через территорию Польши советских войск в случае военного конфликта с Германией. Позиция «санационного» правительства Польши затруднила происходившие в это время в Москве политические и военные переговоры между СССР, Великобританией и Францией о заключении договора о взаимной помощи в случае агрессии со стороны фашистской Германии.

Польша не хотела пропускать советские войска через свою территорию только потому, что этому противились Англия и Франция. «Раздор на Востоке, грозящий Германии и России вовлечением в него... здесь повсеместно и подсознательно считается «меньшим злом», могущим отодвинуть на более длительный срок опасность от империи и ее заморских составных частей», – писал посол Польши в Лондоне Э. Рачинский⁸⁰. Советское правительство предложило Варшаве согласиться если не на пропуск войск, то на советскую помощь в деле обустройства польского государства для обороны от фашистской агрессии, но президент Польши маршал Рыдз-Смиглы в переговорах с высшими французскими руководителями «решительно отклонил какие-либо переговоры или дискуссию на эту тему: «не о пропуске войск, а о возможной материальной помощи и о помощи сырьем со стороны Советской России», – доносил польский посол в Париже Ю. Лукаевич министру иностранных дел Ю. Беку.

Для Советского Союза назревала опасная и неразрешимая ситуация, в которой отчетливо просматривалась возможность создания единого фронта империалистических государств против Советского Союза, в котором Польша играла роль капкана, в который должна была уго-

⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф. 15, О. 1160, д.93, л.2.

⁸⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 351—352.

дять Советская Россия. В этих условиях Советское правительство искало способы избежать войны, или передвинуть ее начало на более поздний срок, и одновременно работало над созданием оборонительного союза по типу того, что образовали Великобритания, Франция и Россия перед Первой мировой войной.

Внимательно отслеживало нарастание напряженности между Германией и Польшей и правительство Великобритании, отводившее последней роль разменной монеты, которую она собиралась бросить на весы при столкновении фашистской Германии с Советским Союзом. Но скрывая свое истинное отношение к Польше, правительство Англии делало вид, что оно обеспокоено агрессивными устремлениями Германии по отношению к полякам. Министр иностранных дел Великобритании Н. Чемберлен заверил польское правительство, что в случае угрозы независимости Польши ей будет оказана помощь. Аналогичная декларация была сделана 13 апреля 1939 года Францией, связанной с Польшей военным союзом еще с 1921 года. Сделав такие заявления, и Англия, и Франция рассчитывали на доверчивость поляков к их военной силе, которую они ни в чем не проявили как до нападения фашистской Германии на Польшу, так и во время самой войны. Правда, и Англия, и Франция, когда Гитлер напал на Польшу, объявили Германии войну, но они ее не вели. Эту войну назвали «странной» и ее основным замыслом было не спасение Польши, а объявление двумя самыми сильными государствами Западной Европы рубежа неприкосновенности, очерченный границами Бельгии, Люксембурга и Франции, на который не должен был посягать Гитлер. Лондон и Париж лишние раз напомнили диктатору фашистской Германии, что, не ведя с ним никакой войны, там ждут направления всех его военных усилий на восток, против СССР. Правительства Великобритании и Франции в тот период еще не осознали, что Гитлер использовал модный в тот период жупел борьбы с большевизмом для того, чтобы придти во власть, возродить военную мощь Германии и снова направить ее на завоевание мирового господства, как это пытался сделать кайзер Вильгельм II. Для выполнения этой цели Гитлеру были совершенно безразличны общественные устройства в тех странах, которые он собирался завоевать. В них он устанавливал «новый» порядок, превращая немцев-завоевателей в господ, а местное население – в рабов. Франции это вскоре предстояло познать.

Начиная с Мюнхенского соглашения, Англия и Франция строили свою политику на стремлении всячески умиротворить Гитлера и направить его воинственные устремления в сторону СССР, как и было заявлено в доктрине «Дранг нах Остен». Но после того как 15 марта 1938 года Чехословакия были оккупирована, Гитлер, выступая в рейхстаге, публично подверг резкой критике Версальскую систему договоров и откровенно заявил об экспансионистских намерениях в отношении Румынии, Югославии и Венгрии и своих претензиях на бывшие колониальные владения кайзеровской Германии, которые Англия и Франция поделили после Версаля. В правящих кругах Лондона и Парижа произошло некоторое прозрение. Но страх перед успехами советского правительства в области экономики и промышленности был сильнее германских угроз миру, и там по-прежнему велась политика уступок Гитлеру ради его движения на восток. То, что он может повернуть свои все возрастающие военные силы и на запад, в Лондоне и Париже совсем не предполагали. Даже денонсация Гитлером англо-германского морского соглашения от 1935 года и польско-германского соглашения о ненападении от 1934 года не встревожила лондонско-парижские круги, хотя У. Черчилль неустанно предупреждал английское правительство о гибельности потворствования гитлеровскому курсу войны. И только под давлением общественности и парламента английское правительство, а вслед за ним и французское, согласилось рассмотреть возможные формы сотрудничества между Англией, Францией и Советским Союзом в деле противодействия гитлеровской экспансии в Европе.

Весной 1939 года такие переговоры начались в Москве, и 17 апреля Советское правительство выдвинуло предложение о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи и военной конвенции, признав также необходимым, чтобы Великобритания, Франция

и СССР гарантировали безопасность восточноевропейских государств, граничащих с Советским Союзом. Но уже через два дня на заседании английского правительственного комитета по вопросам внешней политики премьер-министр Чемберлен негативно высказался о советских предложениях, заявив, что его правительство «не отвергая русское предложение должно создать впечатление, что для военного союза время еще не пришло».⁸¹

Прошло более месяца, прежде чем Великобритания приняла предложение СССР положить в основу обсуждаемого договора принцип взаимности и равных обязательств всех его участников. В конце мая британское и французское правительства дали согласие начать переговоры с СССР, которые вел нарком иностранных дел Литвинов с британским и французским дипломатическими представителями в Москве.

В ходе переговоров по политическим вопросам британское правительство потребовало от Советского Союза дать гарантии Румынии и Польше, если они подвергнутся агрессии. В ответ Советское правительство предложило, чтобы СССР, Великобритания и Франция заключили трехсторонний пакт, обязавшись немедленно оказывать друг другу помощь, включая военную, в случае нападения на одну из этих держав; оказывать такую же помощь граничащим с Советским Союзом государствам Восточной Европы, расположенным между Балтийским и Черным морями, если они подвергнутся нападению; в короткий срок заключить военную конвенцию, установить форму и размеры оказания взаимной помощи в обоих этих случаях. Принятие советских предложений должно было поставить прочный заслон дальнейшему распространению гитлеровской агрессии как на восток, так и на запад.

Отклонив советские инициативы, английское правительство 8 мая выступило с предложением, суть которого сводилась к принятию Советским Союзом односторонних обязательств об оказании немедленной помощи Великобритании и Франции в случае вовлечения их в войну, в то время как о помощи СССР, если он подвергнется агрессии, в предложениях ничего не говорилось.

Налицо просматривалось нежелание англо-французской стороны заключить с Советским Союзом тройственный договор, основанный на принципах равенства и взаимности, что завело политические переговоры в тупик. Тогда Советское правительство предложило направить в Москву военные миссии с тем, чтобы начать конкретные переговоры о мерах противодействия агрессорам. Это предложение правительствами Великобритании и Франции было принято только 25 июля.

Когда военные миссии Великобритании и Франции в начале августа прибыли в Москву, выяснилось, что они укомплектованы лицами, не имевших никаких полномочий для заключения договора. И, несмотря на такой подход британцев и французов к этим переговорам, советская военная делегация, возглавляемая народным комиссаром обороны маршалом К. Ворошиловым, изъявила готовность выставить в случае возникновения войны 136 дивизий, 5 тыс. средних и тяжелых орудий, 10 тыс. танков и танкеток и 5 тыс. самолетов. Великобритания брала на себя обязательства предоставить 1 мотомеханизированную и 5 пехотных дивизий⁸². Со своей стороны английская и французская делегации не желали брать на себя никаких обязательств, и по всему было видно, что они сознательно затягивают переговорный процесс, заводя его в тупик.

Продолжение переговоров в Москве военных делегаций Великобритании, Франции и СССР не имело перспектив. Лондон и Париж вели их ради одной цели – выиграть время, чтобы столкнуть в противоборстве Советский Союз и Германию. Английское правительство знало о готовящемся нападении Германии на Польшу, и ожидало, что Гитлер не остановится на этом завоевании, и что он неизбежно после этого сразу направит свои войска против Советского

⁸¹ Советская Россия, 20 августа 2009 г.

⁸² Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г. // «МЖ», 1959, № 2—3.

Союза, после чего Великобритания и Франция могли бы открыть второй фронт на Западе и продиктовать Германии свои условия дальнейшего развития обстановки в Европе. Это было время колоссального напряжения, преддверием большой войны в Европе и мире, и в Лондоне, Париже и Москве правительства ждали развязки событий вокруг Польши, ждали того первого выстрела, который должен был взорвать мир в Европе. Все было всем известно, и отношение каждой страны к ожидаемому военному конфликту можно было предположить, а вот поведение поляков никто не мог предсказать и предвидеть.

Лондон и Париж не желали заключать с советским правительством никаких оборонительных соглашений по противодействию германской агрессии, и Гитлер, внимательно отслеживавший переговорный процесс, сделал вывод, что возможный лагерь новой Антанты против Германии можно взорвать изнутри, если вынудить одного из переговорщиков пойти на сотрудничество с ним. Францию Гитлер люто ненавидел, он только и ждал удобного момента, чтобы разделаться с ней, в то время как Великобритания вела губительную для себя политику самоизоляции, проявляя имперское высокомерие как к немцам, так и к русским. Информация, поступающая к Гитлеру из Москвы, убеждала его в том, что и Сталин испытывает недоверие к англичанам и французам из-за их нежелания сотрудничать с ним и заключать оборонительный союз против Германии.

И Гитлер сделал свой выбор. С мая, на военном предгрозовом фоне, отношение правящих кругов Германии к Советскому Союзу начинает резко меняться, особенно после того, как Польша отвергла всякую возможность заключения пакта о взаимопомощи с СССР. Исчезают антисоветские выступления в прессе и на радио, различные должностные лица рейха все прозрачнее стали намекать на желательное улучшение отношений двух стран. В Лондоне, Париже и Варшаве не могли не заметить этих разительных перемен, но в туманном Альбионе существовало убеждение, что агрессия Гитлера будет непременно направлена на восток. В Москве заметили эти перемены и, чтобы избежать скорой войны с фашистской Германией, о которой не уставали говорить в Лондоне и Париже, решили рассмотреть возможные варианты сотрудничества с немцами.

Москва не была первой страной, которая по предложению берлинских властей заключал с гитлеровской Германией договор о ненападении и взаимном сотрудничестве. Первой такой страной, заключившей договор с фашистской Германией о ненападении, была Польша, подписавшая в 1934 году в Берлине пакт Бека – Риббентропа сроком на 10 лет; в 1935 году мир узнал о весьма однозначном пакте Хора – Риббентропа между Англией и Германией, разрешавшем нацистскому режиму Гитлера, вопреки Версальскому мирному договору, продолжить уже начатое создание сильных вооруженных сил. Договор этот был заключен даже несмотря на решительный протест правительства Франции. Однако в 1938 году Франция, следуя примеру Англии, и сама заключила подобный пакт Бонне – Риббентроп «о мирных и добрососедских отношениях» с фашистской Германией. 7 июня 1939 года Латвия и Эстония подписали с фашистской Германией договор о двухсторонней дружбе между государствами. Все остальные государства Европы стали строить свои отношения с фашистской Германией на ее преобладающей роли в их внешней политике.

15 августа народный комиссар иностранных дел В. Молотов, отвечая на многочисленные немецкие предложения о сближении с Советским Союзом, в беседе с послом Германии графом фон Шуленбургом впервые сформулировал советские политические пожелания в отношениях с Германией: пакт о ненападении, совместные гарантии нейтралитета Прибалтийским государствам, содействие Германии в урегулировании взаимоотношений Советского Союза с Японией, заключение соглашения по экономическим вопросам. Гитлер, изготавившись для нападения на Польшу, был готов пойти на любые уступки, чтобы избежать войны на два фронта, как это было при развязывании кайзеровской Германией Первой мировой войны, и потому 20 августа он лично направляет телеграмму Сталину, в которой он сообщил, что в любой день

«может разразиться кризис», в который может быть втянут Советский Союз, «если он не согласится на подписание с Германией договора о ненападении и что он настаивает на согласии приезда Риббентропа в Москву в ближайшие два-три дня».⁸³

По дипломатическим каналам послы Советского Союза в Лондоне и Париже предупредили правительства Англии и Франции о возможности подписания такого соглашения с Германией с потаенной надеждой, что это подтолкнет их к перемене взглядов на союз с Москвой, но не получив никакого ответа, маршал Ворошилов, возглавлявший советскую делегацию на военных переговорах, заявил на очередном заседании, что «собираться более нет необходимости, ибо главного ответа нет». Вечером этого же дня В. Молотов пригласил германского посла Шуленбурга и дал согласие на прибытие Риббентропа в Москву 23 августа.

В ночь с 23 на 24 августа стороны подписали договор о ненападении и немецко-советский вариант секретного протокола со разграничением сфер интересов двух государств, вошедший в историю дипломатии как пакт Молотова – Риббентропа. Он устанавливал, что к сфере интересов СССР относятся Прибалтика (включая Финляндию), вплоть до северной границы Литвы (признавалась заинтересованность последней в Виленской области с городом Вильно, отторгнутой поляками в 1920 году) и территория Польши до линии рек Писсы, Нарева, Висла и Сена; подчеркивался также интерес СССР к Бессарабии. Две последние территории были захвачены у нас во время гражданской войны и Сталин, по крупицам собиравший разваленную царскую Россию, настойчиво добивался возвращения всех отторгнутых земель в состав своего государства. Главной причиной, побудившей Сталина пойти на подписание договора о ненападении с Гитлером, послужил отказ Великобритании пойти на заключение с нами серьезного и равноправного военно-политического оборонительного соглашения и информация о том, что Лондон тайно готовился подписать с Германией секретное соглашение о переделе мира и рейхсмаршал Геринг того же 23 августа должен был скрепить их своей подписью. История дает нам немало примеров вероломства англичан перед началом войн в Европе, когда они бросали своих союзников и примыкали к стану врагов, если они видели в этом для себя большую выгоду. Как поступит Британия – не знали ни в Берлине, ни в Москве, но путь к миру, пусть и к короткому, Советское правительство избрало верный. Пакт Молотова – Риббентропа означал провал большой политики Англии и Франции, проводивших в течение многих лет линию на сталкивание Советского Союза с Германией, и теперь тень войны нависла и над их странами.

Одновременно с политическим соглашением Советское правительство подписало с Германией и ряд торгово-финансовых соглашений, выводящее отношение двух государств на новый уровень, выгодный обеим странам. Советский Союз продавал Германии продовольствие и сырье, что, разумеется, представляло для Германии определенную ценность. Однако СССР делал эти поставки только потому, что взамен Германия передавала ему крайне необходимые для его обороны и промышленности машины и предметы вооружения. «На основании договора от 19 августа 1939 г., – пишет Б. Мюллер-Гиллебрандт, – было заключено соглашение о товарообмене с Советским Союзом, по которому СССР согласился поставлять продовольствие и сырье, а Германия – машины, корабельное оснащение, оружие и лицензии на производство важной в военном отношении продукции. . . Так в счет ответных поставок были переданы находившийся на оснащении тяжелый крейсер «Лютцов», корабельное вооружение, образцы тяжелой артиллерийской техники и танков, а также важные лицензии. Гитлер отдал распоряжение о предпочтительном осуществлении этих поставок, к чему, однако, отдельные виды вооруженных сил, ввиду испытываемых трудностей в области вооружений, приступили без должной энергии»⁸⁴. Если поставить вопрос о том, что с точки зрения ведения войны представляет большую непосредственную ценность – сырье и продовольствие, поставлявшееся Советским

⁸³ Советская Россия, 20 августа 2009 г.

⁸⁴ Б. Мюллер-Гиллебрандт. С. 64—65.

Союзом Германии, или предметы вооружения, получаемые из Германии, то бесспорно, что поставки из Германии имели не меньшее, если не большее значение, чем поставки СССР. Следовательно, ни о каком умиротворении Германии в этом случае не могло быть и речи. Советский Союз не только осуществлял свое бесспорное право на внешнюю торговлю, но и использовал эту торговлю для укрепления своего оборонительного потенциала.

В тот исторический период времени упрочение стратегических позиций Советского Союза, его оборонной мощи отвечало интересам Англии не только в том смысле, что став впоследствии союзником Англии, СССР мог лучше выполнить свои союзнические обязательства, но и в плане отвлечения сил Германии на Восток в то время, когда СССР в войне еще не участвовал. Член английского парламента Артур Вудборн говорил в 1941 г.: «Все мы мало отдаем отчет в том, что великая мощь России, даже находившейся вне войны, являлась свинцовой гирей на ноге у Гитлера, которая помешала ему прыгнуть на нас»⁸⁵. Да и на закате своей жизни, незадолго до самоубийства, Гитлер говорил близкому окружению, что он не рискнул напасть на Англию только потому, что в тылу у него оставалась великая Россия, поведение которой ему не удавалось предугадать.

⁸⁵ Вопросы истории, № 12, 1963, с. 61.

Глава III

Нападение Гитлера на Польшу и объявление Англией и Францией «странной войны» Германии. – Разгром Польши и вступление советских войск в Восточную Польшу – Вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. – Советско-финляндская война. – Захват Гитлером Норвегии, Дании и Голландии и нападение на Францию. – «Дюнкерское чудо». – Капитуляция Франции.

Перед нападением на Польшу, Гитлер 22 августа 1939 года собрал генералитет в Оберзальцберге и напутствовал их так «Наша сила, – заявил он, – в быстроте и жестокости. Я издал приказ и расстреляю всякого, кто вымолвит слово критики против моей установки, которая заключается в том, что наши военные цели состоят не в достижении определенных границ, а в физическом уничтожении противника... Только таким образом мы добудем то жизненное пространство, которое нам необходимо. Вам, господа, открывается честь и слава, каких не видели века. Будьте тверды, будьте безжалостны! Действуйте!»⁸⁶ Восхищенный воинственной проповедью фюрера, Геринг вскочил на стол и исполнил жуткий танец варвара, в который он вложил все свое одобрение жестокостью Гитлера.

Области германской империи, Силезия, Померания и Восточная Пруссия, клещами охватывали западно-польскую территорию, заключающуюся в четырехугольнике городов Познань – Лодзь – Варшава – Быдгощ. При этом северная часть провинции Восточной Пруссии выступала далеко на восток за пределы территории Польши. Такое же опасное положение складывалось на юге, где после захвата поляками Тишинской области Чехословакии были созданы предпосылки для подобного охвата. Польское руководство ничего не сделало, чтобы улучшить стратегическое положение своих войск и на направлениях возможного вторжения немецких войск не создало необходимых группировок для его отражения.

В операции против Польши участвовало 62 дивизии вермахта, в том числе 7 танковых, 4 легкие и 4 моторизованные, имевшие на вооружении 2800 танков. Общая численность сил вторжения была доведена до 1200 тыс. человек и их поддерживало два воздушных флота⁸⁷. Было еще мобилизовано 2 млн. немцев на случай возможной войны на западе.

Необходимый для оправдания агрессии «инцидент» был без труда инсценирован эсэсовцами в виде «польского нападения на немецкую радиостанцию в приграничном городе Глейвиц». Польских солдат изображали 13 преступников, переодетых в польскую униформу. Все они, как только сделали свое дело, были тут же расстреляны на месте, а их трупы остались лежать специально для иностранных фоторепортеров.

Рано утром 1 сентября две группы германских армий начали одновременное наступление с юга и севера в общем направлении на Варшаву, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг основных сил польской армии, не успевших занять оборонительные рубежи и подвергшихся в первый же день войны массированным бомбардировкам с воздуха, в которых участвовало до 2000 самолетов люфтваффе. Те слабые польские военно-воздушные силы, что имелись в польской армии, были сразу уничтожены на аэродромах, и польские солдаты оказались совершенно незащищенными от ударов с воздуха. В первом эшелоне у немцев действовало до 40 дивизий, в том числе все имевшиеся танковые и моторизованные соединения; следом за ним еще продвигалось 13 дивизий резерва.

Группа армий «Юг», которой командовал генерал-полковник Г. Рундштедт, в составе 33 дивизий, из которых 4 танковые и 2 моторизованные, наносила удар с территории немецкой

⁸⁶ Военная мысль, № 8—9, 1944, с. 65—66.

⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф.15, 0.977444, д.1, л.11.

Силезии в общем направлении на Ченстохов – Варшаву, и, обойдя столицу польского государства с юго-востока, должна была соединиться там с войсками, наступавшими с севера.

Группа армий «Север», которой командовал генерал-полковник Ф. Бок, в составе 21 дивизии, в том числе 2 танковых и 2 моторизованных, наступала с территории Померании и Восточной Пруссии также в направлении на Варшаву, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг польской столицы с северо-востока и соединиться там с войсками, действовавшими с юга.

Немецко-фашистским войскам противостояла группировка вооруженных сил Польши, которая создавалась в соответствии с планом «Захуд» («Запад»), разработанный накануне войны. Опрометчивое стремление к наступательным действиям в сочетании с крайней переоценкой своих реальных боевых возможностей привело польское военное руководство к составлению такого оперативного плана, который предусматривал сдерживание немецкого наступления на флангах и быстрое продвижение польской кавалерии в центре; эта кавалерия должна была наступать на Берлин, чтобы напоить коней в Шпрее и Хафеле. В соответствии с этим замыслом в западной части Польши сосредотачивались многочисленные польские войска. Однако к моменту начала войны лишь около половины польских дивизий было выведено в предусмотренные для них районы сосредоточения; другие дивизии только начинали выдвижение, а в некоторых из них солдаты-запасники едва успели добраться до поездов, которые должны были доставить их к местам назначения. Но основной недостаток плана заключался в том, что его выполнение было поставлено в зависимость от помощи западных союзников – Великобритании и Франции – которые в течение всей войны ничего не предприняли для оказания военной помощи Польше.

На большинстве участков фронта польское сопротивление непосредственно у границ было быстро подавлено; танковые соединения немцев устремились в прорыв и в течение двух-трех дней далеко проникли в глубь страны. В тех районах, где немецкие дивизии наталкивались на польские войска, развертывались ожесточенные бои; во всех таких случаях превосходство немцев в вооружении и военном искусстве склоняло чашу весов в их пользу. Немцы окружали одно за другим польские соединения, дробили их на части и уничтожали. Бои местного значения продолжались до конца сентября, но то была лишь затянувшаяся предсмертная агония.

В первый же день вторжения гитлеровских войск в Польшу начальник Генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер отметил в своем дневнике: «Запад: ничего нового. Никаких признаков всеобщей мобилизации (во Франции). Сроки стратегического развертывания удлинены на 48 часов. Граница со стороны Франции не закрыта»⁸⁸. А ведь Гитлер начал войну, оставив Западный фронт без танков и авиации и только с трехдневным запасом боеприпасов. Там находилось 33 германские дивизии (25 из них второго класса) против 70 французских дивизий с тремя сотнями танков и господством в воздухе.⁸⁹

3 сентября правительства Великобритании и Франции объявили Германии войну, но французы после этого даже не попробовали вступить в бой, а английские военно-воздушные силы ограничились разбрасыванием листовок над германскими городами.

В день объявления этой войны Гитлер, ни о чем не беспокоясь, отбыл на специальном поезде в Померанию и каждый день выезжал в места боев танковых и моторизованных дивизий, продвигавшихся в сторону Варшавы с темпом 80—100 км в сутки, решая для себя задачи, связанные с усилением бронетанковых войск и их взаимодействия с авиацией. В его голове уже созрело решение начать через несколько месяцев войну против Франции и Великобритании, и уже 7 сентября, как только обозначилась победа вермахта над польской армией, он распорядился готовить дивизии к отправке на запад.

⁸⁸ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т. 1. М, 1968, с. 89.

⁸⁹ А. Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. II. Смоленск, 1998, с. 240.

12 сентября Гитлер, заслушивая главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-полковника В. Браухича о ходе польской кампании, поставил ему задачу разработать наступательную операцию против Франции, чтобы вывести «из строя ее армию, что заставит капитулировать и Великобританию»⁹⁰. С этого же дня началась быстрая переброска высвобождаемых немецких дивизий с польского фронта на западный.

8 сентября германские войска прорвались к Варшаве, и польское правительство оборонной столицы не руководило. И в этот же день Риббентроп послал Молотову телеграмму с требованием, чтобы советские войска оккупировали ту часть Польши, о которой было оговорено в секретном протоколе. Сталин не спешил с принятием такого ответственного решения. Он надеялся, что польское сопротивление будет нарастать, ведь вся история Польского государства полна героизма и мужества не ее панов из верховной власти, а простых людей, ее населяющих.

Руководители польского национального режима «санации», большинство которых были одновременно агентами прусской и австрийской разведок, бежали из страны: президент Игнаций Мосцицкий исчез из Варшавы в первый же день войны, главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы бежал из столицы в ночь на 7 сентября, и оборону города возглавила Рабочая бригада, вставшая во главе рабочих батальонов и поднявшая на борьбу с захватчиками все патриотические силы варшавян. Только 28 сентября, после страшных бомбардировок Варшавы, гитлеровцам удалось взять польскую столицу. Немецкие войска захватили огромные трофеи; значительная часть Варшавы была обращена в развалины; сгоревшие селения и фермы, разбросанные по польской равнине, как путевые знаки, указывали, что тут и там прошли немецкие танки и пролетели немецкие пикирующие бомбардировщики.

Только после того, как в Москве стало известно, что руководители Польши во главе с маршалом Э. Рыдз-Смиглы постыдно бежали из своей страны, Красная Армия 17 сентября перешла польскую границу и менее чем за неделю заняла восточную часть Польши. Советским войскам было дано указание ни в коем случае не применять оружие против польской армии, если она не станет вести бой. Запрещалось также обстреливать из артиллерийских орудий и бомбардировать с воздуха города и другие населенные пункты.

В оправдание того, что могли назвать неспровоцированным нападением на потерпевшую поражение страну, Москва опубликовала коммюнике, что «Советское правительство не может оставаться равнодушным к тому факту, что родственные украинский и белорусский народы, которые живут на польской территории, брошены на произвол судьбы».

Четвертый раздел Польши позволил Советской России вернуть бывшие территории, захваченные поляками в 1920 году. Более 12 млн. человек, в том числе 6 млн. украинцев, 3 млн. белорусов и около миллиона евреев были спасены от фашистской оккупации. В советскую зону бежали евреи со всей Польши, спасаясь от неминуемой гибели. В результате похода советская граница в этом районе была отодвинута на запад на 250—300 км.⁹¹

24 сентября германское верховное командование опубликовало коммюнике, в котором сообщалось: «Польская кампания закончена. В ряде боев польская армия, насчитывающая миллион солдат, была разбита, взята в плен или уничтожена. Наиболее крупные и решающие бои происходили у изгиба реки Вислы. Ни одна дивизия польской действующей армии, ни одна резервная дивизия или отдельная бригада не смогла избежать своей судьбы»⁹². Итоги войны исключительны по своим масштабам. По германским данным, было взято в плен 694 тыс. польских солдат и офицеров, при этом немцы якобы потеряли всего 10 572 человека убитыми.

⁹⁰ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т. 1. М., 1968, с. 131.

⁹¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 3. М., 1975, с. 357.

⁹² Военно-исторический журнал, № 1, 1940, с. 72.

Огромные военные трофеи – по существу все вооружение и снаряжение развернутых против Германии польских армий – попали в руки немцев.⁹³

Несколько сот лет подряд Польша не может похвастаться победой хотя бы в одном сражении, потому что ее армия была всегда раздираема изменой и предательством, корнями уходящему к польским королям и их последователям, но ее руководители научились извращать ход исторических событий и всю вину за поражения и утраты сваливать на соседей ближних и дальних, находя в этом странное искупление своей вины перед собственным народом.

После захвата гитлеровской Германией Польши и овладения Советским Союзом восточными польскими землями, У. Черчилль заметил, что «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть»⁹⁴. Он предвидел неизбежность столкновения Советского Союза с фашистской Германией предсказывая, что «Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на Черном море или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России».

12 октября 1939 года Гитлер специальным декретом большую часть польской территории – польскую Силезию, Великую Польшу, Поморье, и некоторые районы Лодзинского и Варшавского воеводств – включил в состав Германской империи. Позднее к Третьему рейху были присоединены районы Сувалок (1940 год), Цеханова (1941 год) и Белосток (1942 год). Гитлеровский функционер, прибывший в Варшаву исполнять должность генерал-губернатора, заявил о цели политики Третьего рейха: «Отныне, политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство».⁹⁵

После оккупации Польши Гитлер, выслушав панегирики приближенных, недолго оставался в покое. Он уже не мог жить без войны, и его изощренный ум искал новые военные цели, при выполнении которых он испытывал крайнее возбуждение, как и всякий игрок, поставивший на карту все свое состояние. Его самыми доверительными собеседниками были Гесс и Геринг, с благоговением выслушивавшие своего патрона, и всегда поддерживавшие все военные начинания фюрера.

Голова Гитлера все время была занята переделом границ Европы, и стоявший в его огромном кабинете большой глобус и развешенные карты Европы давали ему возможность не только мысленно, но и зрительно окидывать просторы, на которых разыгралась его безграничная фантазия. Во многих странах у него были пламенные почитатели, и когда он начинал военную кампанию против соседних государств, то все его разведывательные органы всегда опирались на разветвленную и организованную сеть идейных пособников Гитлера, помогавших вермахту быстрее свергнуть собственное правительство и сокрушить мощь своей армии. В Австрии и Чехословакии эти силы сделали больше, чем военные усилия вермахта, почти мирно оккупировавших эти государства. В быстром поражении Польши огромная доля вины лежала на соратниках Пилсудского, служивших, как и он, не своей стране и бежавших из нее в трудный для польского народа час. Но многое для поражения Польши сделали и немцы,

⁹³ Там же, с. 73.

⁹⁴ Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М, 1990, с. 17.

⁹⁵ Военно-исторический журнал, № 1, 1960, С.83—84.

проживавшие в ней. Все немцы в Польше были объединены в так называемую Лигу немцев в Польше. Члены этой Лиги были настроены экстремистски и считали, что они должны помогать вторжению гитлеровской армии. Среди наиболее активных членов Лиги были созданы «ударные подразделения», которые приняли участие в боевых действиях немецких войск в Польше⁹⁶. Кроме того, местные немцы широко использовались в качестве проводников войск, для организации местной администрации, в контрразведке и других органах.

Не было почти ни одной страны, где бы немцы после 1933 года не объединялись под знаком свастики. Немецкие подрывные и разведывательные организации за границей были очень эффективны, и все они оказывали Гитлеру большую помощь в его информационной войне против населения европейских стран, которые он хотел завоевать или вовлечь в сферу своего влияния. Успех Гитлера в Судетской области и в Австрии был обеспечен нацистскими партиями, представлявшими, прежде всего, германские пятые колонны в этих странах. Имелся еще десяток таких стран в Европе, где немецкое национальное меньшинство было готово стать политической, а затем и военной пятой колонной фашистской Германии.

Пока Гитлер купался в лучах славы и разрабатывал планы нападения на Францию и Англию, Сталин спешил по всему западному направлению стратегически улучшить положение Советского Союза в предстоящей схватке с Гитлером, добиваясь от гитлеровского руководства все новых территориальных уступок. Он перестал доверять Франции и Англии и усилил давление на близлежащие страны, граничащие с Советским Союзом, чтобы побудить их к заключению добрососедских договоров о нейтралитете, или взаимопомощи и сотрудничеству, если кто-то из них подвергнется нападению со стороны Германии. Такие предложения нескончаемой чередой поступали в правительства Турции, Болгарии, Румынии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, но нигде они не находили благожелательной поддержки из-за открытого противодействия Германии, Франции и Англии. Политика восточноевропейских государств в то время строилась с оглядкой как на Германию, так и на Францию и Англию, которые игнорировали вековые и глубокие связи этих стран с Россией. Их пугала не сама Россия, а политической строй в ней, где существовала подлинная свобода и равенство людей, где люди труда олицетворяли собой власть, и где был наложен запрет на обогащение.

Но как только Германия напала на Польшу, Сталин не стал терять отпущенное ему мирное время и решительно приступил к блокированию всех возможных путей, способных связать прибалтийские страны и Финляндию с Германией и поработенной Гитлером Европой. Одно из этих направлений шло из Восточной Пруссии через Прибалтийские государства, второе – через воды Финского залива и третье – через Финляндию и Карельский перешеек и заканчивалось у советской границы, отстоявшей от Ленинграда всего на 32 километра. Эти направления были блокированы советской стороной. К блокаде, введенной Англией сразу же после нападения фашистской Германии на Польшу, добавилась советская блокада, которая стала удушающей петлей для экономик Эстонии, Латвии и Литвы, а Финляндия, пользуясь поддержкой Швеции, сумела избежать экономического и торгового голода и продолжала поддерживать тесные связи с гитлеровской Германией. Одновременно с этими мерами, Советское правительство предложило Эстонии, Латвии и Литве открыть советский необъятный рынок для торговли и товаров, но требовало взамен права занять своими войсками порты, аэродромы и другие важные пункты на территории этих государств, которые, в случае захвата фашистской Германией, угрожающе нависали над всеми западными областями Советского Союза и Ленинградом. Большая война в Европе была неизбежна и в столицах прибалтийских государств правительства и народ предпочли союз и сотрудничество с Советским Союзом, спасавшие их от голода и нищеты, возможности быть раздавленными гитлеровской Германией в скором буду-

⁹⁶ Л. де Йонг. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958, с. 20—21.

щем. В Европе с ужасом говорили о зверствах, совершенных германскими войсками в Польше, и никто не хотел попадать под уничтожающую нацистскую машину Гитлера.

24 сентября в Москву был приглашен министр иностранных дел Эстонии, и спустя четыре дня эстонское правительство подписало акт о взаимопомощи, по которому войскам Красной Армии предоставлялось право разместить свои гарнизоны на базах в Эстонии⁹⁷. Та же процедура была применена к Латвии и Литве, и Советский Союз вписал в свой актив одно из важнейших политических решений, послужившее укреплению обороны Советского государства при нападении на него фашистской Германии. Группа армий «Север» в течение двух месяцев с тяжелыми боями преодолевала эти территории и истощила на этом пути свои силы, и их не хватило для захвата Ленинграда.

Особенно искусно была проведена политическая работа вокруг Литвы. Эта небольшая страна по пакту Молотова – Риббентропа входила в сферу влияния Германии, и Сталин считал это угрожающим фактором для Балтийского коридора и серьезной угрозой для советских войск, дислоцированных в Восточной Польше и Белоруссии. Он воспользовался необходимостью уточнения договорных условий, на которых шел раздел Польши, и Москва 27 сентября пригласила Риббентропа, чтобы пересмотреть в пользу Советского Союза сферы дальнейшего влияния двух стран и окончательно уточнить свои границы. Вместо Молотова переговоры вел сам Сталин, и он без всяких обиняков заявил Риббентропу, что Москва настойчиво требует включить в сферу своего влияния Литву. В обмен Сталин предлагал Германии ряд незначительных районов в восточной части Польши, занятых советскими войсками. В свою очередь, Риббентроп еще в Берлине обещал литовцам вернуть им Вильнюс, их древнюю столицу, захваченную поляками в 1919 году, но в Москве ему стало известно, что в нем уже находятся советские войска. Незадачливому министру иностранных дел Германии ничего не оставалось, как сослаться на необходимость проконсультироваться с Гитлером. Сталин продолжал «обхаживать» Риббентропа и устроил в честь него торжественный обед в Кремле, не уступавший по своей пышности былому царскому гостеприимству. На этом обеде нескончаемой чередой звучали хвалебные оды в честь Риббентропа и Гитлера; дело того стоило.

⁹⁷ Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М, 1990, с. 30.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.